

Вернуть отцу имя

ИСТОРИЯ СЕМЬИ,
СЛОМАННОЙ ПОЛИТИЧЕСКИМИ
РЕПРЕССИЯМИ

Илья Лейн

Илья Лейн

**Вернуть отцу имя.
История семьи, сломанной
политическими репрессиями**

«Автор»

2026

Лейн И.

Вернуть отцу имя. История семьи, сломанной политическими репрессиями / И. Лейн — «Автор», 2026

Государство способно отнять у человека свободу, жизнь и доброе имя. Но последнее слово иногда остается за памятью. Дочь пытается восстановить судьбу отца, объявленного «правым», отправленного на трудовое перевоспитание и погибшего в годы голода и политического террора. Из писем, свидетельств, семейных обрывков и собственного детства складывается не только биография одного человека, но и история семьи, которую эпоха приучила молчать даже друг с другом. Культурная революция, страх в школе, аресты близких, Гонконг, Америка, поздний поиск очевидцев. Это книга о том, как чужая идеология поселяется внутри частной жизни, а затем десятилетиями требует ответа. Иногда вернуть имя значит вернуть себе собственное прошлое.

© Лейн И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Детство и юность отца во Вьетнаме	5
Глава вторая. Европейские годы и возвращение на родину	7
Глава третья. Брак с моей матерью и рождение семьи	11
Глава четвёртая. Как отца объявили «правым»	16
Глава пятая. Семья по разные стороны неба и земли	24
Глава шестая. Мать увозит меня на северо-запад	31
Глава седьмая. Чэнь Вэйси — товарищ отца по несчастью	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Илья Лейн

Вернуть отцу имя. История семьи, сломанной политическими репрессиями

Глава первая. Детство и юность отца во Вьетнаме

Мои предки происходили из уезда Дунгуань провинции Гуандун. Ещё поколение моего прадеда переселилось во Вьетнам, а дед родился в Намдине. В юности он вернулся в родной Дунгуань, чтобы найти жену и создать семью. Бабушке тогда было восемнадцать лет; дома она разводила кур и выращивала овощи. После свадьбы супруги несколько лет жили в Дунгуане, где у них родились трое детей. Затем дед перевёз семью в Ханой и занялся небольшим бизнесом: со временем у него появились транспортная компания и универсальный магазин. Позже транспортное предприятие разорилось, и магазин стал главным источником семейного дохода. В Ханое у бабушки и дедушки родились ещё шестеро детей; всего их было девять — четыре сына и пять дочерей. Дед часто уезжал по делам, и хозяйство оставалось на бабушке. Она не получила хорошего образования, но была необыкновенно способной и справлялась со всем — от закупки товаров до торговли и бухгалтерии. Магазин процветал, семья жила в большом доме и даже держала несколько лошадей. Старших детей отправили учиться в Китай, поэтому дома обычно оставались бабушка, мой отец и две младшие дочери.

Отец был младшим сыном и пятым ребёнком в семье. Его фамилия была Тран, а имя при рождении — Нху Кханг. Он родился 17 мая 1926 года в Ханое.

Тётя рассказывала, что отец с детства отличался от братьев и сестёр. Он носил очки, был немного застенчив, а тонкие правильные черты придавали ему вид учёного. Дети часто играли вместе, и старший брат неизменно смешил двух младших сестёр. Бабушка обожала младшего сына, хвалила его за послушание, трудолюбие и успехи в учёбе. Он помогал ей в магазине и выполнял разные поручения. Семья жила в районе, где было много зарубежных китайцев; дети ходили в китайскую школу и изучали китайский, вьетнамский и французский языки. В старших классах отец влюбился в девушку на несколько лет старше него. Общество тогда было консервативным: браки обычно устраивали родители или по крайней мере заключали с их согласия. Бабушка не одобряла эту связь. Её смущал возраст девушки и тревожила возможность родства: обе семьи происходили из одной деревни в Дунгуане и носили одну фамилию. Кроме того, отцу было всего семнадцать, и он был единственным сыном, оставшимся дома. Бабушка надеялась, что он будет помогать семье. Отец был живым и общительным, но вместе с тем упрямым и бунтарским. Он не послушал мать, продолжал встречаться с девушкой и даже заявил, что хочет на ней жениться. После ссоры с матерью он ушёл из дома и поселился у возлюбленной. Вскоре у них родилась дочь.

Отцу тогда было восемнадцать лет. Он окончил среднюю школу и был полон идеалов и романтических представлений о жизни. Чтобы содержать семью, он помогал другу управлять магазином. Но он был ещё слишком молод и не располагал достаточными средствами. Без поддержки бабушки обеспечить жену и ребёнка было почти невозможно, а девушка уже достигла принятого тогда брачного возраста. Вскоре из-за материальных трудностей и давления семьи она решила выйти замуж за значительно более старшего, но состоятельного мужчину и забрала с собой дочь, которой не было и года. Отец отчаялся, однако бабушка сразу протянула ему руку, и он вернулся домой.

В марте 1945 года Бао Дай, последний император вьетнамской династии Нгуен, провозгласил независимость страны от Франции под покровительством Японии и учредил Вьетнам-

скую империю. В августе Соединённые Штаты сбросили на Японию две атомные бомбы, после чего Япония безоговорочно капитулировала и Вторая мировая война завершилась. Союзники разделили Вьетнам по 16-й параллели на две зоны приёма капитуляции: британцы действовали на юге, китайские войска — на севере. Британские части высадились в Южном Вьетнаме, приняли капитуляцию японской армии в Сайгоне и разоружили её. Генерал Грейси вытеснил представителей Вьетминя Хо Ши Мина из бывшего губернаторского дворца и вновь вооружил французские колониальные части, ранее интернированные японцами. Вскоре Франция вернула контроль над Южным Вьетнамом и восстановила довоенный колониальный порядок. Армия националистического правительства Чан Кайши вошла в Северный Вьетнам и провела в Ханое аналогичное разоружение. В сентябре Вьетминь — Лига независимости Вьетнама во главе с Хо Ши Мином — добился отречения Бао Дая и провозгласил Демократическую Республику Вьетнам. В 1946 году британские и китайские войска покинули страну. Переговоры между правительством Вьетминя на севере и французской администрацией на юге провалились, и вскоре началась восьмилетняя франко-вьетнамская война. В обстановке войны и неопределённости люди не понимали, что ждёт их дальше. После разрыва с возлюбленной отец был подавлен, и дед решил отправить его в Китай продолжать учёбу. Бабушка нехотя согласилась: перемена обстановки могла помочь сыну пережить несчастье и дать ему будущее. Отец уехал из Ханоя в Куньмин. Китай только что завершил восьмилетнюю войну сопротивления Японии и вступил в гражданскую войну. Валюта стремительно обесценивалась, и после трёх месяцев подготовительных курсов при Куньминском университете у отца почти не осталось денег. Поняв, что положение в Китае ничуть не лучше, чем во Вьетнаме, он обсудил дальнейшие планы с родными. Все согласились, что безопаснее будет отправиться во Францию. Несколько молодых китайцев из их ханойского района уже учились там, а отец хорошо владел французским. Семья начала готовить его отъезд, и вскоре он отправился через океан во Францию.

Глава вторая. Европейские годы и возвращение на родину

Следующие десять лет отец жил и работал в Европе. Сначала он изучал французский и английский в языковой школе в Париже. Он происходил из обычной семьи, не отличался политической проницательностью и почти ничего не знал о коммунистической идеологии. Отец полагал, что знание языков пригодится ему в будущей деловой жизни. В парижском объединении китайских студентов он встретил Янь Бао — китайца из Вьетнама, с которым был знаком ещё на родине, хотя прежде они почти не общались. Встреча на чужбине быстро их сблизила. Янь Бао, родившийся в 1922 году и бывший на четыре года старше отца, изучал политологию на юридическом факультете Парижского университета. Оба жили в студенческом квартале, который теперь называют Латинским. После занятий они вместе обедали, беседовали в уличных кафе, гуляли по городу и постепенно обзаводились общими знакомыми. Янь Бао рассказывал мне, что отец любил готовить, особенно в скороварке, и часто устраивал совместные обеды с друзьями. У него был старый «Рено»; по выходным приятели втискивались в маленькую машину и ехали на окраины Парижа или к морю на севере Франции.

Сегодня Латинский квартал остаётся одним из самых оживлённых и модных районов Парижа, но студенты уже не составляют его основную жизнь: теперь это туристический район, полный гостиниц, ресторанов и кафе. Когда в 1996 году я впервые приехала в Париж, то остановилась в отеле именно там. В одном из писем Янь Бао рассказал мне забавный эпизод из французской жизни отца:

...Он и сегодня стоит у меня перед глазами. Однажды отец сказал, что во Франции появился очень красивый автомобиль «с пятью линиями». Я сразу понял, что он имеет в виду обтекаемую форму кузова, но остальные растерялись и стали спрашивать, что это за «пять линий». Когда я объяснил, все рассмеялись, и он тоже понял свою оговорку и рассмеялся вместе с нами. С тех пор эта фраза стала нашей общей шуткой: при виде красивой машины друзья спрашивали, «пять» у неё линий или «шесть». Он, по-видимому, смешал близко звучащие слова, а образ пяти линий мог напомнить ему нотный стан. В моей памяти он навсегда остался таким — живым, непосредственным и немного наивным...

Слева: Янь Бао; посередине: отец; справа: одноклассник (имя неизвестно).

Янь Бао учился в ханойской средней школе Кай Лонг. В пятнадцать лет он вернулся в Китай и в Куньмине сдал экзамен на государственную стипендию для обучения за границей. Он успешно поступил в Ханойскую школу общественной защиты, а затем перевёлся в Ханойский государственный промышленный колледж. В 1940 году Янь Бао вновь уехал в Китай и поочерёдно работал на Куньминском локомотиворемонтном заводе Юньнань-Вьетнамской железной дороги, в автомобильной компании «Шидай» и транспортной компании «Чжэньчан». В 1942 году он поступил в Куньминский национальный колледж восточных языков, после окончания которого остался преподавать. Тогда он много читал Мао Цзэдуна, в том числе «О новой демократии» и «О коалиционном правительстве», а также газеты «Синьхуа» и «Та Кун Пао». После переезда во Францию в 1948 году он оказался в среде, где были особенно сильны левые революционные идеи, и его взгляды стали ещё более радикальными.

Париж издавна был городом открытости и радикальных идей, а университетский квартал, где они жили, в те годы являлся одним из центров политической активности. Когда в 1965–1966 годах в Китае приближалась Культурная революция, парижские студенты уже устраивали здесь шумные митинги и демонстрации. Янь Бао рассказывал, что некоторые приехавшие тогда в Париж китайские студенты были членами Коммунистической партии, хотя скрывали это. Один из их однокурсников позднее возглавил Коммунистическую партию Малайи.

Янь Бао оказал на отца заметное влияние: тот считал его умным, способным и достойным доверия человеком. Вскоре отец тоже поступил на политологическое отделение юридического факультета Парижского университета. Он читал Маркса — «Манифест Коммунистической партии» и «Капитал», знакомился с изданиями Французской коммунистической партии, в том числе с журналами «Коммунист» и «Освобождение», и участвовал в политических дискуссиях. В студенческое объединение входили европейцы и американцы, среди которых встречались коммунисты разных направлений — от большевиков до троцкистов. Французская коммунистическая партия пользовалась тогда большой популярностью и даже содержала бесплатные столовые для бедных.

Китайские студенты за границей делились на два лагеря: одни поддерживали Гоминьдан, другие — Коммунистическую партию. Янь Бао и отец, разумеется, относились ко вторым. Между двумя группами часто вспыхивали жаркие споры. Янь Бао вспоминал: «Они называли нас дураками и идиотами, а мы их — белыми китайцами, по аналогии с белыми русскими, бежавшими из Советской России после Октябрьской революции».

Ещё во Вьетнаме отец страдал болезнью желудка, а во Франции у него развилась язва. В Париже ему сделали операцию, удалив поражённую часть желудка. Вмешательство прошло успешно, однако после него объём желудка уменьшился примерно вдвое, и врач велел есть часто, но понемногу. Студентка третьего курса медицинского факультета по имени Жаклин приходила делать ему уколы и ухаживала за ним. По словам Янь Бао, она была мягкой, отзывчивой и придерживалась прогрессивных взглядов, много читала о коммунизме. Отец проводил с ней всё больше времени, и между ними возникли близкие отношения.

В 1949 году гражданская война в Китае завершилась победой коммунистов. В октябре Мао Цзэдун провозгласил в Пекине Китайскую Народную Республику. Многие прогрессивно настроенные китайские студенты за рубежом стремились вернуться домой: в Европе и Америке они чувствовали себя людьми второго сорта и надеялись, что новая власть изменит положение их страны. Действовавшая во Франции подпольная организация китайских коммунистов также убеждала студентов ехать на родину и участвовать в её строительстве; началась настоящая волна возвращений. В начале 1951 года Янь Бао получил приглашение преподавать вьетнамский язык в Пекинском университете; дорогу и проживание ему оплачивали. Китайско-вьетнамские отношения тогда были тесными, и специалистов по вьетнамскому языку не хватало. Письмо глубоко его взволновало, и он решил вернуться. Отец тоже был тронут, хотя понимал, как будет скучать по другу, с которым несколько лет виделся почти ежедневно. Расставание было неизбежно. Отец и Жаклин проводили Янь Бао на Лионский вокзал. Оттуда он поехал поездом в Марсель, затем морем через Средиземное и Красное моря, Суэцкий канал и Индийский океан добрался до Гонконга, а далее через Гуанчжоу — в Пекин. Дорога заняла больше месяца. Так начался новый, долгий и тяжёлый этап его жизни.

После возвращения в Китай, среди непрерывных политических кампаний, Янь Бао становился всё осторожнее и почти прекратил общение с людьми за границей. Отец написал ему, расспрашивая о положении на родине. Ответ был коротким: Янь Бао лишь сообщил, что жив и здоров. Его прежний революционный пыл и воодушевление государственным строительством, по-видимому, заметно угасли.

В течение четырёх лет после отъезда Янь Бао отец продолжал учиться. Тётя рассказывала, что он регулярно писал домой и неизменно уверял родных, что счастлив, здоров и что им не о чем беспокоиться. В одном письме он сообщил, что окончил юридический факультет и вместе с другом перевёл словарь. Кроме того, отец получил стипендию Парижского университета и на год отправился в языковую школу при Лондонском университете изучать английский. Бабушка всякий раз радовалась его письмам и с гордостью рассказывала о них знакомым. Третья тётя сохранила две открытки, присланные отцом из Англии, и передала их мне на память. В одной было написано:

Руолин: Мои экзамены в Лондонском университете только что закончились сегодня днем. У меня все хорошо, и я с нетерпением жду вашего письма. Желаю вам счастливого Рождества и Нового года!

Жункан, 18 декабря

Первый почтовый штемпель — из Саутингтона, Лондон, 1952 год. Второй почтовый штемпель — из Оксфорда, 1953 год.

Руолин! Этим летом я не ездил в другие страны, а путешествовал по Англии. Недельку провёл на острове Уайт, вчера был в Саутгемптоне, а сегодня осматривал оксфордские колледжи. Здесь прекрасные пейзажи и замечательная обстановка для учёбы.

Жункан, 25 декабря

Швейцарские Альпы

Где-то в Средиземноморье

Женева

Египет

Япония

Март 1955 года, Мадрид, Испания

По воспоминаниям тёти, отец учился в мадридском университете, изучал испанский язык и одновременно работал в местном журнале. Фотографии тех лет показывают, что он много путешествовал по Европе и побывал даже в Египте. У отца были выдающиеся способности к языкам: он читал и писал по-китайски, по-вьетнамски, по-французски, по-испански и по-английски, а также владел румынским.

В марте 1955 года мой отец все еще находился в Мадриде, Испания. На фотографии выше он изображен с женщиной по имени Мария. На обороте фотографии написано: «Мадрид, март 1955». Моя мать сказала, что она была его девушкой.

Судя по последующим событиям, он, должно быть, вскоре связался с Китаем и договорился о своем возвращении. Осенью 1955 года, через четыре года после возвращения Янь Бао в Китай, мой отец отправился в аналогичное путешествие: Испания — Средиземноморье — Суэцкий канал — Красное море — Индийский океан — Сайгон — Гонконг — Япония — Тяньцзинь — Пекин. Мой отец несколько дней провел в Сайгоне и Гонконге, навещая родственников.

К тому времени франко-вьетнамская война завершилась, а Женевские соглашения разделили Вьетнам на северную и южную части. Ханой оказался в Северном Вьетнаме, которым управляла Коммунистическая партия во главе с Хо Ши Мином. После поражения и ухода французов в 1954 году многие жители последовали за ними на юг. Бабушка, две тёти и семья старшего дяди тоже покинули Ханой и переехали в Сайгон. Дед и семья третьего дяди примерно тогда же больше года прожили в Гуанчжоу, а в конце 1955 года перебрались в Гонконг. Второй дядя, вторая и третья тёти ещё в молодости уехали учиться в Китай и в 1949–1950 годах также покинули материковую часть страны, поселившись в Гонконге. Незадолго до отъезда семьи из Ханоя старшая тётя умерла при родах. Её муж и двое детей затем переехали в Сайгон вместе с бабушкой.

Тётя рассказывала, что родные были счастливы увидеть отца в Сайгоне, но огорчились, узнав о его намерении ехать в Китай. Бабушка умоляла его остаться и обещала передать ему семейное дело. Отец, однако, твёрдо решил вернуться на родину. Он говорил, что деньги не главное: настоящее счастье — иметь собственную страну и чувствовать себя равным другим, а этого не купишь. Его убеждения легко понять. История иностранных вторжений в Китай, коррупция Гоминьдана, европейское образование и политическая среда, в которой он жил, породили у него завышенные надежды на так называемый «новый Китай». Но страна его мечты оказалась тоталитарным и самодержавным государством. Долгий путь домой, начатый с идеализмом и страстью, завершился трагически — как полёт мотылька к огню. Вместе с миллио-

нами других китайцев этот искренний и наивный молодой человек был поглощён беспросветной тьмой.

Из Сайгона отец сначала приехал в Гонконг, где встретился со вторым дядей, второй и третьей тётями. О своих планах вернуться в Китай он не сказал ни слова. Через два дня отец сел на корабль до Японии. Дядя позднее объяснял, что отец скрывал намерение, опасаясь, что его остановят. Дядя был пастором, окончил семинарию и относился к Коммунистической партии с глубоким страхом и отвращением. Узнай он правду, вряд ли отпустил бы брата так легко. На пристани он прощался с отцом, уверенный, что тот ненадолго едет в Японию и вскоре вернётся в Гонконг. Однако из Японии отец отправился морем в Тяньцзинь. Лишь получив письмо из Пекина, дядя понял, что брат уже находится в Китае.

После франко-вьетнамской войны во Вьетнаме разгорелась гражданская война — противостояние свободного мира и коммунистического тоталитаризма. Южный Вьетнам, или Республика Вьетнам, поддерживали Соединённые Штаты, Южная Корея, Таиланд, Филиппины, Австралия и Новая Зеландия; Северный Вьетнам, или Демократическую Республику Вьетнам, — Советский Союз, Китай и Северная Корея. Война продолжалась почти двадцать лет и завершилась в 1975 году победой коммунистов. За это время две младшие тётки вышли замуж. Семья самой младшей тётки в 1963 году через Гонконг эмигрировала в Бразилию, а в конце 1970-х — в Соединённые Штаты. До падения Сайгона семья старшего дяди разъехалась в Гонконг и на Тайвань. Семья четвёртой тётки сначала переехала в Лаос, затем бежала в Таиланд и оттуда эмигрировала в Соединённые Штаты как беженцы. Двоих детей старшей тётки ещё в 1960-х отправили учиться на Тайвань, а старший дядя женился во второй раз. В Сайгоне осталась одна бабушка. Несколько раз она гостила у второго дяди в Гонконге, но так и не почувствовала там себя дома. Обстановка во Вьетнаме становилась всё опаснее, и после долгих уговоров она наконец согласилась переехать. Прямое сообщение между Вьетнамом и Гонконгом уже прекратилось; один-два раза в месяц в Сайгон прилетали чартерные самолёты, вывозившие этнических китайцев. Второй дядя оформил бабушке право на жительство в Гонконге и забронировал билет, но она всё откладывала отъезд и умерла в возрасте восьмидесяти лет — всего за два дня до захвата Сайгона Вьетконгом.

Кроме отца, все мои родственники со временем покинули Китай и Вьетнам. В разные годы они переселились в Австралию, Соединённые Штаты и Канаду. Спасаясь от коммунистических режимов, большая семья рассеялась по всему миру. Это стало трагедией нашей семьи, нашей страны и нашей эпохи. И всё же тем, кто сумел уехать, выпала возможность свободно прожить жизнь и спокойно умереть. Лишь отец накануне разгара красного террора вступил в коммунистическое движение, возглавляемое Мао Цзэдуном, и это неосмотрительное решение привело его к необратимой катастрофе.

Гонконг, начало 1960-х годов. Слева: третья тетьа и сын; в центре: дедушка; справа: вторая тетьа и сын.

Сайгон, 1957 год, семья бабушки и тети.

Семья моего второго дяди в Гонконге в 1957 году

Сайгон, 1957 год, шесть дочерей моего дяди.

Глава третья. Брак с моей матерью и рождение семьи

Поздней осенью 1955 года отец приехал в Пекин. До назначения на работу его поселили в гостевом доме для иностранных студентов в хутуне Фэншэн, в районе Сидань. Он позвонил Янь Бао в Пекинский университет. Тот позднее вспоминал: «Я удивился, узнав, что он вернулся в Китай, и был рад встрече со старым другом. Но в глубине души испытал и разочарование: мне не хотелось, чтобы он возвращался». Янь Бао был женат, у него росли две дочери, и он предложил отцу пожить у него. Вскоре, однако, поползли слухи, что в его доме остановился человек, недавно прибывший из-за границы. К зарубежным связям относились с подозрением, а Янь Бао и без того старался избегать контактов с иностранцами. Смущённый и испуганный, он попросил отца вернуться в гостевой дом.

В гостевом доме отец случайно встретил Тан Юбая, друга детства из Вьетнама. Тан Юбай уехал отсюда в 1946 году учиться в Шанхае, а в 1951 году отправился из Китая во Францию. Неожиданная встреча в Пекине обрадовала обоих. Они почти каждый день завтракали вместе, ездили на велосипедах в парк Бэйхай, читали и беседовали, днём ходили в кино, а вечером ужинали в столовой. Тан Юбай говорил мне: «Какое прекрасное это было время! Я и представить не мог, что наше расставание в Пекине окажется последним. Такой хороший человек ушёл так рано». Чуть больше месяца спустя отца назначили редактором и диктором испанской редакции Центральной народной радиостанции, а Тан Юбая направили в Шанхайское издательство литературы и искусства.

Мою мать звали Гу Синьхэ. Она родилась 24 декабря 1930 года в состоятельной семье в Чанчжоу. Училась в начальной и средней школах Чанчжоу и Шанхая, затем — в Нанкинской женской школе Хуэйвэнь. Среднюю школу она окончила в год прихода Коммунистической партии к власти и поступила на драматическое отделение Шанхайской театральной академии. После выпуска в 1953 году её направили редактором и диктором в отдел детских программ Центральной народной радиостанции.

Маме нравился Пекин, и она была довольна работой. Каждый день она обедала с коллегами в столовой и часто замечала там отца. По её словам, он неизменно смотрел в её сторону. Однажды мама пришла в мужское общежитие разыскать знакомого. На стук дверь открыл отец. Он объяснил, что нужного человека нет, и пригласил её войти. Так состоялся их первый разговор. Позднее они снова встретились в столовой. Отец нашёл повод сесть рядом, и за обедом они разговорились. В другой раз он заранее купил две порции и, увидев маму, сказал: «Я взял обед на двоих. Садитесь сюда». Маме польстило его внимание; её привлекали красивое лицо, изящные манеры, остроумие и находчивость. В те выходные на работе устроили танцевальный вечер. Мама надела любимое платье и заметила отца на другой стороне зала. Он помахал ей рукой, пробрался сквозь толпу и пригласил на танец. Они танцевали одну мелодию за другой, почти не останавливаясь. Когда кто-то шутливо поддел отца, мама смутилась и сказала: «Я всё-таки хочу потанцевать и с другими». Он улыбнулся: «Хорошо, я подожду». Через некоторое время они снова оказались вместе. Мама вспоминала, что в тот вечер была необыкновенно счастлива.

После этого они часто гуляли по Ванфуцзину, ходили в кино и ездили на велосипедах к Летнему дворцу. Мама вспоминала отца как терпеливого, аккуратного и бережливого человека, к тому же превосходного повара. Они почти не расставались. Однажды отец привёл её в гости к Янь Бао. Две его маленькие дочери весело болтали и носились по дому. Глядя на них, отец не удержался и сказал маме: «Давай и мы заведём ребёнка!»

В середине 1956 года, после шести месяцев знакомства, родители решили пожениться. Мама написала домой: «У меня хорошие новости: я выхожу замуж». Дед сначала засомневался и попросил её не торопиться, ведь молодые люди ещё мало знали друг друга. Мама ответила:

«Даже если свадьба состоится только через год, всё равно я выйду за него». Увидев её решимость, семья обрадовалась и прислала в подарок комплект постельного белья. Тан Юбай отправил из Шанхая пару палочек из слоновой кости, а семья Янь Бао приехала на свадьбу. Коллеги из испанской редакции и отдела детских программ подарили плетёные кресла и диван. Жить молодожёнам предстояло в комнате отца в общежитии. Обычно там селили по двое, но как недавно вернувшемуся из-за границы ценному сотруднику ему выделили отдельную комнату, которая и стала их семейным жильём. Родители поженились 14 июля 1956 года. Отец специально выбрал годовщину Французской революции — День взятия Бастилии, которому придавал особое значение под влиянием Французской коммунистической партии. Свадьбу устроили в читальном зале Центральной народной радиостанции. Гости сидели кругом, угощались конфетами, семечками и лимонадом и время от времени кричали: «Горько!» Молодожёнам приходилось целоваться. Русский свадебный обычай тогда считался модным, поскольку Китай ориентировался на Советский Союз. Все шутили и веселились, а родители от волнения и духоты вспотели. Потом гости проводили их до общежития, не переставая кричать: «Горько!»

Так они стали мужем и женой. Церемония была скромной, угощение — простым, но настроение у всех оставалось праздничным, и гости разошлись довольные.

Вскоре после свадьбы мама забеременела мной. Её мучила сильная тошнота, по утрам её рвало, но позднее она называла эти месяцы самым счастливым временем их совместной жизни. Однажды на последних сроках они с отцом грелись на солнце во дворе. Проходивший мимо директор радиостанции Мэй И ласково погладил маму по голове и сказал: «Вы похожи на двух котят». Мама и правда чувствовала себя счастливой, словно кошка на солнце. Отец скучал по Франции и 11 ноября, в годовщину окончания Первой мировой войны, купил вина и приготовил для неё французский обед. Постепенно самочувствие мамы улучшилось, вернулся аппетит. Она шила детскую одежду и одеяла, читала книги и журналы о воспитании. Когда я сильно толкалась, мама обращалась к животу: «Ах ты, непослушная маленькая проказница!» Родители работали днём и вечерами обязаны были присутствовать на собраниях. На последних месяцах живот стал тяжёлым, ноги отекали, и после рабочего дня мама мечтала только вернуться домой, но ежедневные совещания продолжались по три-четыре часа.

В испанской редакции работали несколько испанских специалистов. Среди них была женщина средних лет по имени Кэти, близкая подруга моих родителей. Детей у неё не было, и она особенно любила девочек. Кэти сказала, что, если родится дочь, хотела бы стать её крёстной и предложила назвать девочку Кармен — именем героини знаменитой повести и оперы. Я родилась 10 июня 1957 года. Сочетание «Чэнь Кармен» по-китайски звучало неудачно, поэтому родители сократили имя и назвали меня Чэнь Ка.

После моего рождения моя мать написала в своем дневнике о своем счастье в роли новоиспеченной матери и о своей безграничной любви ко мне:

15 июля 1957 г.

Больше всего я сожалею о том, что не смогла вовремя зафиксировать все изменения, произошедшие с моей младшей дочерью.

Сегодня ей исполнилось тридцать пять дней. Я каждый день держу её на руках, кормлю, глажу и непрерывно наблюдаю за ней. Кажется, будто она почти не меняется, и всё же я яснее любого другого человека вижу, как она растёт.

Мне говорили, что роды мучительны, но после рождения ребёнка боль забывается и мать мгновенно влюбляется в малыша. Со мной всё было немного иначе. Роды действительно оказались тяжёлыми, однако в первую минуту я не почувствовала безграничной любви к дочери. Скорее я была оглушена и с тревожным любопытством ждала первого кормления, разрешённого лишь через сутки. Когда медсестра передала мне девочку, я не могла понять собственных чувств. Неужели это маленькое красное, сморщенное существо — мой ребёнок? Я неловко, но нежно поцеловала её в лоб. Она едва заметно пошевелилась, и это крошечное движение

мгновенно пробудило во мне жалость и нежность. Я прижала её ещё ближе и осторожнее — и в этих объятиях впервые осознала всю глубину своей любви.

В больнице я видела дочь только во время кормлений, и они стали самыми долгожданными минутами. Услышав издали плач младенцев, я почти всегда взволнованно вскакивала с кровати: среди голосов мне чудился плач моей девочки. Когда медсёстры разносили детей по палатам, я всякий раз надеялась, что мою принесут первой, а заберут последней.

Через пять дней после родов мы вернулись домой. Всё было непривычно, и мы не знали, за что браться. Больше десяти дней мы жили в тревоге: боялись, что не сумеем ухаживать за ребёнком, что у меня не хватит молока, что няня недостаточно следит за гигиеной, и ждали новых неизбежных трудностей. Несколько раз я плакала от бессилия.

На пятнадцатый день девочка вдруг стала без конца плакать, почти не спала и плохо ела. Ночью приступ продолжился и сделался невыносимым. Мы с Жунканом растерялись. Соседи посоветовали отвезти ребёнка в отделение неотложной помощи. Врач обнаружил молочницу во рту, воспалённое горло и осложнение после сильной простуды. Всю ночь мы по очереди держали её на руках, и только около половины шестого утра она постепенно успокоилась.

При осмотре врач услышал шум в сердце третьей степени. После рентгенографии и электрокардиограммы у меня выявили врождённый порок — дефект межжелудочковой перегородки. Отверстие было совсем маленьким, один-два миллиметра. Врач сказал, что лечение пока не требуется, достаточно обследоваться раз в два года. Если по мере роста сердца отверстие не увеличится и не появятся другие, опасности не будет. В дневнике мама об этом не написала: она не хотела, чтобы о моём пороке знало слишком много людей.

15 июля 1957 г. (продолжение)

Из-за болезни мы постоянно брали дочь на руки и, главное, не решались дать ей как следует поплакать. Она быстро почувствовала нашу слабость и каждый день требовала, чтобы её носили и убаюкивали. Мы с Жунканом понимали, что закрепляем дурную привычку, но всё равно уступали ребёнку, которому не исполнилось и месяца.

Дурную привычку приобрести гораздо легче, чем искоренить. Нам пришлось приложить вдвое больше усилий, чтобы понемногу отучить её постоянно проситься на руки.

Из-за ребёнка я почти не отдыхаю. Днём лежу в постели и слежу за верёвками подвесной колыбели. Стоит им слегка качнуться, как я вскакиваю и смотрю на малышку: она ворочается, покрхтывает и снова засыпает.

Больше всего мы с Жунканом любим смотреть на неё, когда она крепко спит. Нам не надоедает любоваться спокойным милым лицом. Даже во сне выражение у неё непрерывно меняется, и, если бы я не боялась разбудить малышку, целовала бы её без конца.

Когда друзья говорят, что дочь красива, меня переполняют гордость и радость. Она и правда прелестна, особенно во сне, когда выглядит величественной, словно императрица. На двадцать седьмой день мы впервые вынесли её на улицу и примерно на полчаса поднялись на балкон к Чэнь Цзяпину. Свежий воздух оживил девочку: она зашевелилась, открыла глаза, посмотрела на голубое небо и спокойно устроилась на руках у Жункана.

Не знаю, когда именно это началось, но дочь вдруг перестала спать по ночам. На руках она засыпала сразу, а стоило положить её в кроватку — начинала плакать. Мы с Жунканом были в отчаянии: несколько ночей подряд не знали ни минуты покоя. Наконец решили проявить твёрдость и не реагировать на плач. Через полчаса девочка, всхлипывая, сдалась и заснула. Метод отчасти помог, но применять его было мучительно. Мы часто не выдерживали и брали её на руки; тогда она засыпала, но, оказавшись в кроватке, плакала ещё громче. Теперь стало немного лучше, хотя полностью проблема не исчезла.

В день, когда дочери исполнился месяц, мы приготовили лапшу с пельменями, а вечером сделали несколько снимков. Получатся ли они после проявки, было неизвестно. Мы пытались сфотографировать малышку во время купания, но она всё время двигалась, поэтому удачного

кадра могло и не быть. Наверное, эти фотографии будут заметно отличаться от тех, что мы сделали на девятый день после её рождения.

Вчера мы с Жунканом отметили первую годовщину свадьбы. Много фотографировали дочь: отдельно, вместе с нами и во время кормления. Какой трогательный и счастливый день — первая годовщина нашей свадьбы, а малышке уже месяц и четыре дня!

Сегодня, в возрасте одного месяца и пяти дней, моя малышка наконец заговорила со мной! Няня уже несколько дней уверяла, что это скоро произойдёт, но я сомневалась. Утром девочка несколько раз залепетала в ответ на мои слова, и я пришла в восторг. Похоже, наша дочь здорова и сообразительна.

Дочка обожает свежий воздух. С тех пор как ей исполнился месяц, я каждый день выношу её на улицу. Там она спокойно лежит у меня на руках, не плачет и не капризничает. Соседи непременно останавливаются, хвалят её и говорят, что она очаровательна и хорошо растёт. Для месячного ребёнка она довольно высокая, хотя ни Жункан, ни я высоким ростом не отличаемся. Интересно, в кого она?

* * *

17 июля 1957 года

Сегодня днём малышка лежала на моей кровати и что-то лепетала. Проходя мимо, я остановилась посмотреть на неё. К моему удивлению, она широко открыла рот и засмеялась. Я была вне себя от радости, но стоило мне отойти, как девочка расплакалась, словно её страшно обидели. Неужели ребёнок в таком возрасте уже что-то понимает?

* * *

21 июля 1957 г.

Мы с Жунканом любим дочь всё сильнее; она здорова и хорошо развивается. Сегодня воскресенье, и Жункан немного подстриг ей волосы, чтобы на голове не появлялась потница. Нам было жалко расставаться с первым мягким пушком, поэтому он сложил состриженные волоски в конверт на память.

Кроватка моей малышки, в которой она спит уже сорок дней, стала ей мала. Поэтому сегодня я купила ей новую кроватку.

* * *

24 июля 1957 года

Сегодня я была на послеродовом осмотре; всё оказалось в порядке. Дочери сделали прививку от оспы. Во время укола она лишь дважды тихо всхлипнула.

* * *

30 июля 1957 г.

В последние дни реакция на прививку от оспы развивалась нормально: появились небольшие круглые красные волдыри, которые постепенно покрылись корочкой.

* * *

1 января 1958 г.

Наступил 1958 год — первый Новый год нашей дочери. Желаю, чтобы она росла ещё здоровее, красивее и умнее. Через десять дней малышке исполнится семь месяцев, и за это время она поразительно изменилась. Помимо грудного молока, теперь ест яичный желток, жидкую и даже овощную кашу. Моего молока хватает меньше чем на половину рациона, остальное приходится восполнять прикормом. Больше всего ей нравятся апельсиновый и яблочный соки. Когда хочется пить, она выпивает немного овощного отвара, но не любит подслащённую воду и совсем отказывается от простой. Она уже умеет сидеть, кивать, подмигивать, надувать губы и иногда махать на прощание. Когда мы с Жунканом возвращаемся с работы, дочь встречает нас с восторгом. Стоит хлопнуть в ладоши, как она протягивает одну руку. Мы спрашиваем: «А где другая?» — и она тут же подаёт вторую.

Наша маленькая дочка становится всё красивее — так думаем не только мы, но и друзья. У неё ясные блестящие глаза с тёмными зрачками, высокий нос, маленький рот и живое, умное выражение лица. Мы с Жунканом часто говорим, какой пустой была бы жизнь без ребёнка.

Их ребёнок только родился, семейное счастье едва начиналось. Но уже приближалась организованная Мао Цзэдуном кампания против правых, за которой последовали «Большой скачок», массовая выплавка стали и другие абсурдные политические кампании. Китай ожидал невиданный рукотворный голод: миллионы семей будут разлучены, десятки миллионов людей погибнут. Эта маленькая, тёплая и беззащитная семья тоже будет разрушена.

Пожилая женщина, которая обо мне заботилась.

Глава четвёртая. Как отца объявили «правым»

Прежде чем рассказать, как отца объявили «правым», я хочу кратко описать политическую обстановку того времени. После завершения гражданской войны в 1949 году Коммунистическая партия Китая во главе с Мао Цзэдуном провозгласила Китайскую Народную Республику. Затем одна политическая кампания сменяла другую: подавление контрреволюционеров в 1950 году, «Три против» и «Пять против» в 1951–1952 годах, кампания против Ху Фэна в 1955 году, кампания против правых в 1957 году, «Большой скачок» в 1958 году, «Четыре чистки» в 1962 году, Культурная революция в 1966 году, движение «В деревню» в 1968 году, кампания «Один удар и три против» в 1970 году, критика Линь Бяо и Конфуция в 1974 году, борьба против пересмотра приговоров в 1975 году — и так до смерти Мао в 1976 году. В те годы он был для Китая почти божеством, которому никто не смел возражать. Я считаю его жестоким, лицемерным, честолюбивым, алчным и бесстыдным человеком, склонным к манипуляциям и мести. По разным оценкам, за двадцать семь лет его правления погибло от шестидесяти до восьмидесяти миллионов китайцев.

В 1958–1961 годах Мао Цзэдун, стремившийся возглавить международный коммунистический лагерь и мечтавший, что Китай вскоре обгонит Великобританию и Соединённые Штаты и вступит в коммунизм, развернул общенациональный «Большой скачок». Кампания предусматривала повсеместную выплавку стали и создание народных коммун. Крестьян заставляли питаться в общественных столовых, а для кустарных печей собирать весь доступный металл, вплоть до домашних кастрюль и посуды. Такие печи появились почти в каждой деревне, но из-за примитивной технологии в них получался лишь негодный металл. Одновременно сельское хозяйство пришло в упадок, и уже через год по деревням распространился голод. Мао подверг чистке ветеранов революции, в том числе Пэн Дэхуая и поддержавших его военачальников, которые выступали против «Большого скачка», и продолжал ультралевый курс. Крестьяне всё меньше занимались землёй, ели в общих столовых и плавил металл. В следующие два года продовольствия становилось всё меньше. Целые деревни вымирали от голода, поля были усеяны трупами, повторялись случаи каннибализма — люди ели детей и даже родителей. В некоторых местах выживали только руководители деревень и кадровые работники. Несмотря на катастрофу, Мао отказывался открыть государственные запасы зерна для помощи голодающим и одновременно продолжал вывозить зерно в Советский Союз, поддерживая образ лидера мирового коммунистического движения. Через три года его грандиозный замысел полностью провалился. По приведённой автором оценке, от голода умерло сорок миллионов китайских крестьян. Западные исследователи называют эту катастрофу Великим голодом эпохи Мао.

Кампания против правых предшествовала «Большому скачку» и была направлена прежде всего против интеллигенции. Преследованиям подверглись не менее полумиллиона человек. Тогда же «правым» объявили моего отца и отправили его на исправительно-трудовую ферму. Три года его заключения и принудительного труда совпали с острейшим продовольственным кризисом, унёсшим, по приведённой в книге оценке, жизни сорока миллионов крестьян.

1 мая 1957 года «Жэньминь жибао» опубликовала директиву КПК о кампании по исправлению стиля работы. Интеллектуалов призывали свободно высказываться, критиковать недостатки партии и её руководителей; провозглашался лозунг «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». Этот курс получил название «политики двух сотен». Утверждалось, что открытая критика укрепит партию. Многие интеллектуалы поверили призыву. Они хотели применять свои знания на пользу стране и народу и говорили о том, чего, по их мнению, не понимали некоторые партийные кадры. Критика не означала желания свергнуть Коммунистическую партию. Однако кампания по исправлению стиля быстро превратилась в кампанию

против правых. Людей, откликнувшихся на призыв, объявляли «правыми»; такое же клеймо получали даже партийцы, не желавшие обвинять невиновных.

Ниже приведён фрагмент статьи лауреата Нобелевской премии мира Лю Сяобо «Почему Мао Цзэдун начал кампанию “Сто цветов” и движение за исправление стиля: мой взгляд на кампанию против правых. Часть первая». Автор пишет о непостоянстве Мао и о подлинной цели кампании:

Китай Мао Цзэдуна был предельно авторитарным, тоталитарным обществом, в котором личные чувства и настроения вождя прямо влияли на государственные решения. Главной чертой политического характера Мао была готовность пользоваться любыми средствами ради цели. Его курс постоянно менялся: заявления противоречили друг другу не только изо дня в день, но порой с утра до вечера. Абсолютная власть питала его высокомерие и позволяла произвольно управлять событиями. Сам Мао называл себя «монахом под зонтом — без закона и без неба над головой». Внутри КПК лишь он мог так часто менять политику, поскольку олицетворял абсолютную истину: его слово становилось законом, любое, даже взаимоисключающее, утверждение объявлялось правильным, и никто не осмеливался открыто возражать. Ради сохранения верховной власти Мао переступал любые границы — партийную дисциплину, государственные законы и нравственные нормы; его изощрённость и жестокость доходили до крайности.

И кампания по исправлению стиля, и «Сто цветов», и кампания против правых служили одной цели: укрепить диктатуру КПК и неограниченную личную власть Мао. Поэтому его противоречивые действия с весны 1956-го до лета 1957 года определялись не принципами, а оценкой текущей угрозы собственному положению. Пока Мао полагал, что «Сто цветов» укрепят его авторитет в партии и международном коммунистическом движении, он поощрял эту кампанию. Когда же решил, что открытые высказывания угрожают режиму и его личной власти, начал преследование «правых». Именно поэтому сторонники противоположных объяснений его мотивов могут находить подтверждение в разных речах и указаниях самого Мао.

К сожалению, представления отца о Коммунистической партии основывались главным образом на прочитанных книгах. Как и многие будущие жертвы, он поверил призыву к свободному высказыванию и не понимал, что возвышенные слова о партии и народе могут оказаться пустой риторикой, а кампания по исправлению стиля и последующая борьба с «правыми» служат сохранению абсолютной власти Мао Цзэдуна.

Так для китайской интеллигенции начались долгие годы тяжёлых испытаний.

В один из выходных, вскоре после начала кампании по исправлению стиля, родители принесли меня, ещё младенца, в дом Янь Бао. Отец с надеждой говорил о призыве свободно высказывать мнения, но Янь Бао его воодушевления не разделял. Он советовал быть осторожнее и внимательно следить за признаками опасности. Оба всё ещё верили в Коммунистическую партию и считали себя прогрессивной молодёжью, однако Янь Бао прожил в Китае дольше и лучше понимал политическую обстановку. Он признавал, что партия формально просит о критике, но предупреждал: говорить можно далеко не всё. Сам он ничего не предложил и тем избежал преследования. Отец, напротив, решил, что вправе высказать своё мнение, и сделал это.

Испанская редакция, в которой работал отец, была создана недавно. В ней числились пять китайских сотрудников. Руководительница Гун Цзинмэй, член Коммунистической партии и бывший редактор китайских программ, отвечала прежде всего за политическое направление, хотя совершенно не знала испанского. Переводчиками с испанского были отец и два недавних выпускника — Ян Линьчан и Пан Бинъань. Яо Юэсю перевели из русской редакции: из-за ухудшения советско-китайских отношений объём вещания на русском сокращался, и сотрудников распределяли по другим языковым службам. Кроме того, в группе работали пять испанцев, приехавших из московского радио и имевших большой опыт. Эта команда стала

одной из первых, кто создавал китайские передачи на испанском языке. Ян Линьчан позднее присылал мне воспоминания об их работе в период кампании по исправлению стиля и борьбы с «правыми»:

Сначала мы прекрасно работали и хорошо ладили. До свадьбы вашего отца почти каждый вечер после ужина гуляли вместе. Всё изменилось в 1957 году, когда партия начала кампанию по исправлению стиля и призвала партийцев и беспартийных высказывать руководству свои соображения. Некоторые говорили резко, другие воспользовались случаем, чтобы выплеснуть накопившееся недовольство. В партии усилились левые настроения: критику стали воспринимать как нападение и попытку свергнуть власть, после чего началась кампания против правых. В нашей группе работали пять испанских специалистов, долго живших в Советском Союзе. Это были опытные профессионалы, но они находились под сильным советским политическим влиянием. Им хотелось чаще рассказывать в эфире о древней культуре и традициях Китая, а мы настаивали на достижениях нового государства и его революционном опыте. На первый взгляд разногласия были небольшими, однако при подготовке программ китайские и испанские сотрудники постоянно спорили. Во время кампании по исправлению стиля ваш отец, опираясь на западный опыт, объяснял эти конфликты различием культур. Он говорил, что во Франции граждане могут присутствовать на парламентских заседаниях и критиковать президента, и это не считается чем-то исключительным. Сегодня такие слова кажутся безобидными, но тогда их истолковали как защиту капиталистической демократии. Поначалу, после обсуждений, все возвращались к работе. Затем требования ужесточились, испанскую редакцию обвинили в «правом уклоне», а сотрудников английской и французской служб привлекли, чтобы «помочь нам повысить сознательность». После долгой внутренней борьбы и по указанию сверху вашего отца объявили «правым».

Я находился на Кубе, когда умер ваш отец, и узнал о его смерти только после возвращения в Китай. Мы оба были тогда очень молоды и не понимали внутренних конфликтов в партии. После кампании против правых начались «Большой скачок» и новые политические преследования. В 1960 году стихийные бедствия в сочетании с бедствиями, созданными людьми, привели страну к так называемым «трём годам природных катастроф». В 1964–1965 годах кадровых работников направляли в деревни для проведения кампании «Четыре чистки», провозгласив классовую борьбу главным принципом. Политический курс становился всё более левым. Затем началась Культурная революция, погрузившая страну в хаос. В 1976 году один за другим умерли Мао, Чжоу и Чжу, а Таншаньское землетрясение ещё больше усилило страдания народа, который ждал перемен. Тогдашнее руководство разгромило «Банду четырёх», и Китай вступил на путь постепенного роста благосостояния. В конце 1970-х — начале 1980-х годов Дэн Сяопин предложил исправить прежние ошибки, проводить реформы и политику открытости и строить социализм с китайской спецификой. После двадцати лет напряжённого труда наша жизнь заметно улучшилась, а развитие страны ускорилось. В этот период появилось множество фильмов и телесериалов, в том числе «Легенда о горе Тяньюнь», «Годы», «Долг греха», «Любовь наполняет Жемчужную реку», «Ах, великий лес» и «Город гибискусов». Если у вас появятся дополнительные вопросы, напишите мне; я постараюсь ответить. Пожалуйста, поправьте меня, если я в чём-то ошибся.

Пожалуйста, поправьте меня, если я ошибаюсь.

Вскоре он прислал ещё одно письмо:

Возвращение вашего отца из Франции в Китай в середине 1950-х годов было патриотическим поступком, заслуживающим уважения. Руководство ценило его и создало ему сравнительно хорошие условия. Когда его направили в международный отдел Центрального управления радиовещания, он, в отличие от нас, получил отдельную комнату. Зарплата у него была самой высокой среди пяти китайских сотрудников испанской редакции: он имел семнадцатый административный разряд, даже немного выше, чем у Гун Цзинмэй. Пан Бинъань и я только

окончили университет и проходили испытательный срок; каждый получал 42 юаня, меньше половины его оклада, хотя одному человеку и этой суммы хватало. Ваш отец пришёл в группу в марте или апреле 1956 года, когда мы готовили первые передачи для Испании. До него переводчиков с испанского было всего двое, поэтому его появление примерно на пятьдесят процентов увеличило наши возможности. Он был опытнее нас и переводил свободнее. Все трудились очень усердно, и работать вместе было приятно.

В апреле 1956 года мы начали готовить пробные передачи на испанском, выходившие раз в два дня. После запуска работы резко прибавилось: кроме эфира, приходилось посещать многочисленные собрания. Поскольку ваш отец перенёс операцию на желудке и был слаб здоровьем, ему установили обычную дневную восьмичасовую смену, а мы с Пан Бинъянем дежурили ночью. В сентябре передачи стали выходить официально, дважды в день, и нагрузка ещё возросла. В 1957 году партия начала кампанию по исправлению стиля и предложила беспартийным высказывать мнения. Затем она превратилась в кампанию против правых, и вашего отца объявили «правым» за несколько признанных неправильными высказываний. Это несчастье разрушило вашу семью, как и многие другие китайские семьи, и навсегда омрачило вашу жизнь. Вы вправе знать прошлое отца, а я, его бывший коллега, обязан по мере сил ответить на ваши вопросы. Хотя мне почти семьдесят, я постараюсь вспомнить всё, что могу. Его возвращение в Китай было проявлением патриотизма: он был молодым зарубежным китайцем левых убеждений, которого несправедливо объявили «правым». Госпожа Чэнь Ка, после 1957 года левый курс привёл к «Большому скачку», Культурной революции и множеству несправедливых обвинений. Китайский народ дорого заплатил за эти ошибки, поэтому понимает значение реформ и открытости и особенно дорожит нынешними стабильностью и единством. Я уже на пенсии и живу спокойно. Надеюсь, вы ещё будете приезжать. Не знаю, окажутся ли мои воспоминания полезными; сообщите мне об этом.

Ян Линь старался говорить в примирительном тоне и представлял преступления той мрачной эпохи почти как безобидные ошибки. Однако мне казалось, что одновременно он искренне просит у меня прощения от имени партии и государства. Ниже я привожу письмо Пан Бинъяня, ещё одного молодого сотрудника той группы:

Я понимаю чувства дочери товарища Чэнь Жункана, потерявшей отца в раннем детстве и спустя десятилетия не перестающей думать о нём. С возрастом и опытом я стал воспринимать случившееся так: иногда мать по неосторожности причиняет боль собственному ребёнку. Но для пострадавших — особенно для тех, кто погиб, — такая боль непоправима. Я искренне сочувствую вам, вашей матери и всей семье товарища Чэнь Жункана. И всё же надеюсь, что вы постараетесь смотреть вперёд и сохранять более светлый взгляд на жизнь.

Товарищ Чэнь Жункан пришёл в нашу группу в 1956 году и участвовал в создании испанского вещания нового Китая. Все мы считали его возвращение из-за границы проявлением патриотизма. Внутри группы и международного отдела отношения тогда были хорошими. Там работало немало зарубежных китайцев, вернувшихся на родину; их ценили и уважали. Ян Линьчан и я поступили на службу в 1955 году, а ваш отец — в 1956-м. При присвоении разрядов мы получили двадцать второй, а он — семнадцатый, то есть на пять ступеней выше. Мы с Яном, кроме основной работы, круглосуточно обслуживали иностранных специалистов как переводчики; вашему отцу из-за здоровья разрешили ограничиться восьмичасовым днём. Поэтому мы общались с иностранцами теснее, хотя отца тоже часто приглашали на встречи с важными зарубежными гостями. У меня сохранились две фотографии, на которых мы сняты вместе с ним, чилийским поэтом Пабло Нерудой и бразильским писателем Жоржи Амаду. Гун Цзинмэй фактически руководила группой. Насколько я помню, она была прямолинейной, не слишком образованной, говорила грубо и громко и плохо ладила с иностранными специалистами. В 1957 году, во время кампании по исправлению стиля, мы проводили собрания и собирали мнения. На одном из них ваш отец высказал предложения о работе и сказал, что при

необходимости мог бы временно заменить Гун Цзинмэй. Я присутствовал и не понимал, зачем он это сказал: руководить группой мог только назначенный партией человек. Позднее состоялось собрание с критикой вашего отца, и я тоже в ней участвовал.

В начале 1958 года на коротком собрании нам объявили решение вышестоящей организации: вашего отца признали «правым» и понизили в должности. Я был молод и не вполне понимал последствия, но на душе стало тяжело. Я не мог поверить, что вернувшийся из-за границы китаец является врагом. Теперь мне кажется, что ваш отец не считал свои слова ошибочными: вероятно, он лишь хотел сказать, что способен при необходимости взять на себя руководство. Мы же исходили из того, что руководителя назначает партия и им может быть только её член. В обычных условиях подобное высказывание молодого специалиста закончилось бы объяснением и несколькими словами критики. Но кампания против правых усиливалась, и на него необоснованно навесили ярлык, который привёл к несправедливому обращению. Наша страна прошла трудный путь, допуская отклонения и серьёзные ошибки. Многие пострадали, некоторые заплатили жизнью. Останься ваш отец жив, его судьба могла бы сложиться иначе. Но его уже не вернуть. Если вы будете проводить поминальную церемонию, прошу возложить от моего имени цветы в память о патриотично настроенном зарубежном китайце.

И Пан Бинъань, и Ян Линьчан состояли в Коммунистической партии. После преследования моего отца оба продвинулись по службе и получили назначения за границу. Пан Бинъань был заместителем директора, затем директором международного отдела агентства «Синьхуа», позднее стал вице-президентом агентства и делегатом XII съезда КПК. Он говорил, что партия в своём развитии допускала «отклонения и даже ошибки», а жестокие политические преследования сравнивал с тем, как «мать иногда причиняет боль собственным детям». В его изложении Мао и партия выглядели почти невиновными. Такое, на мой взгляд, типично коммунистическое лицемерие вызывало у меня лишь презрение.

В пятом номере китайского журнала «Зарубежная коммуникация» за 2012 год Пан Бинъань опубликовал статью «Как новый Китай открыл двери испаноязычному миру», где подробно описал историю испанской редакции с момента её основания. Он перечислил китайских и испанских сотрудников, но намеренно не назвал моего отца. В январе 2013 года в телевизионном ток-шоу «Борьба» Пан сказал: «Экспериментальное вещание на испанском началось весной 1956 года, а официальное — в сентябре. Сначала нас было всего трое: двое молодых сотрудников и один переводчик с русского, а также пять испанских специалистов из Москвы». Под «двумя молодыми сотрудниками» он имел в виду себя и Ян Линьчана, под переводчиком — Яо Юэсю. Гун Цзинмэй, не знавшую испанского, он тоже не упомянул. Имя отца вновь исчезло из рассказа. В личном письме Пан выражал скорбь по «патриотичному зарубежному китайцу», а публично вычеркнул его из истории. Для меня это стало ещё одним примером человека, который говорит разным людям разные вещи. Именно такие люди преуспевали в эпоху лжи и нравственного разложения.

И Ян, и Пан подчёркивали, что мой отец занимал более высокий служебный разряд и пользовался особыми условиями. Возможно, это внимание лишь усилило опасность: как говорится, чем выше дерево, тем сильнее ветер.

В Коммунистической партии встречались и порядочные люди, готовые говорить правду. Чжоу Хун, прежде возглавлявшая русскую редакцию, а затем переведённая в испанскую, сказала мне по телефону: «Я недолго работала с вашим отцом: меня перевели туда в марте 1957 года. Но он произвёл на меня сильное впечатление. Худой, светлокожий, в очках. Переводчиков тогда не хватало, он много работал и был очень способным. У руководительницы группы были плохие отношения с испанскими специалистами, а ваш отец занимал по отношению к ним более спокойную и доброжелательную позицию. Я считаю, что его предложения по работе были разумными». Я спросила, почему же его объявили «правым». Чжоу Хун ответила: «Из-за конфликта с руководительницей группы. Именно она настаивала на таком решении. Помню,

в партийной ячейке обсуждали, следует ли причислить к “правым” ещё одного зарубежного китайца, но я категорически возражала, и этого не произошло. Обсуждали ли там дело вашего отца, я не помню». Она добавила: «Сверху тогда сильно давили, но и у руководителей групп было много власти. Они докладывали начальству, а решения могли принимать без серьёзного расследования». Я заметила, что кампания против правых дала партийным работникам возможность сводить личные счёты. «Именно так, — согласилась она. — Не только эта кампания: все политические движения позволяли мучить и использовать людей. О том времени трудно говорить. Это была огромная катастрофа, через которую прошли все». На мой вопрос о реакции коллег на смерть отца она ответила: «Мы очень горевали, но никто не смел сказать об этом вслух». Я была искренне благодарна этой женщине за правдивость и доброту.

Я также поговорила по телефону с Яо Юэсю, переводчицей с русского, которую перевели в испанскую редакцию. Вначале она сильно волновалась. По её словам, в ту эпоху не менее полумиллиона интеллектуалов по всей стране объявили «правыми», и ей было страшно возвращаться к этим воспоминаниям. У неё было слабое здоровье, и при любом волнении повышалось давление. Её младшего брата, которому было всего двадцать пять, тоже объявили «правым». Когда она стала задавать вопросы о его положении, кто-то предупредил: «Будьте осторожны». Частые болезни помогли ей пропустить многие собрания и избежать худшего. Наконец она заговорила о моём отце:

Позже я услышала, что Чэнь Жункана объявили «правым», но не знала, куда его отправили. Я больше его не видела; было ясно лишь, что он оказался в каком-то ужасном месте. Из-за болезней я работала с перерывами и вернулась на радиостанцию на полный день только в начале 1960 года. К тому времени в испанскую редакцию перевели новых сотрудников, а испанские специалисты уехали домой. Затем меня направили в португальскую редакцию, и о Чэнь Жункане никто не говорил. В начале 1961 года кто-то из испанской группы — уже не помню кто — тихо сообщил мне, что Чэнь Жункан умер от болезни. Я была потрясена. Но тогда люди не позволяли себе даже думать об этом, а если думали, то не показывали. К тому же меня саму постиг тяжёлый удар. Мой младший брат и ваш отец разделили почти одну судьбу: обоих объявили «правыми», отправили на трудовое перевоспитание, и оба примерно в одно время умерли на ферме. Горе из-за брата совершенно сломило меня; я уже не могла вынести ещё и чужую боль. Это была трагическая эпоха, о которой мне трудно вспоминать. Несчастья следовали одно за другим, но внешне всё оставалось спокойно. Никто не произносил ни слова, и смерть вашего отца тихо стёрли, будто её никогда не было.

Мать рассказывала, что отец жаловался: руководительница Гун Цзинмэй не знала испанского и часто отсутствовала, но любое решение требовало её одобрения. Рабочие материалы приходилось переводить для неё на китайский, а её указания — обратно на испанский для иностранных сотрудников, и это сильно замедляло подготовку передач. На собрании в мае или июне 1957 года отец предложил несколько способов упростить работу и сказал, что в отсутствие Гун Цзинмэй готов временно выполнять организационные обязанности. Вероятно, именно этот эпизод Пан Бинъань позднее описал как попытку отца «стать руководителем группы». В те дни Мао призывал говорить свободно, без оговорок и страха возмездия, провозглашал, что «пусть расцветают сто цветов и соперничают сто школ», и предлагал помогать партии исправлять стиль работы. Но вскоре, выманив критиков наружу, он начал кампанию против правых и уничтожил тех, кто поверил его призыву. Молодые люди без опыта партийных кампаний, такие как мой отец, стали невинными жертвами.

После того собрания отец продолжал работать как обычно и, по-видимому, не ждал беды. Но с началом кампании против правых Гун Цзинмэй организовала его публичную критику: его обвиняли в защите «ложной демократии капиталистического общества» и сопротивлении партийному руководству. Осенью 1957 года, под конец рабочего дня, к матери подошёл сотрудник и сказал: «Вашего мужа собираются объявить правым». — «Почему?» — спросила она.

— «Потому что он критиковал Гун Цзинмэй. Похоже, решения уже не избежать». У матери задрожали руки. На следующий день появились большие рукописные плакаты с обвинениями: «Чэнь Жункан — антипартийный, антисоциалистический...» Мать затерялась в толпе и прочитала каждый; эти слова надолго врезались ей в память. Янь Бао однажды пришёл на радиостанцию, увидел плакаты и ужаснулся. После этого он больше не решался поддерживать связь с отцом. Первое обвинение сводилось к тому, что отец якобы выступал против партийного руководства, считая, что человек, не владеющий языком, не может руководить специалистами. Подобные обвинения тогда предъявляли многим. Вторым была защита «формальной демократии» капиталистических стран. Когда дело представили наверх, заместитель директора Управления радиовещания и глава международного вещания Вэнь Цзицзе не согласился с обвинениями. Однако его собственное положение из-за внутрипартийной борьбы было неустойчивым, и помочь отцу он не смог. В итоге отца объявили «правым». Позднее и самого Вэнь Цзицзе признали антипартийным элементом и «правым» — в том числе за попытки защищать обвинённых, среди них Чэнь Жункана. Перед смертью Вэнь описал эту историю в книге «Первый реабилитированный “правый”».

Борьбой с «правыми» руководила партийная группа, а повседневную работу выполняла канцелярия парткома. Как начальник отдела внешних связей и член партийной группы, я узнал от руководителя канцелярии, что в нашем отделе служит более двухсот человек, многие долго жили за границей, поэтому отдел признан особо важным. При установленной норме в пять процентов от нас требовали выявить не меньше десяти «правых».

Я спросил: «Разве можно заранее устанавливать число “правых”?» Мне ответили: «Я лишь выполняю указание Центрального комитета. Если получится шесть процентов — возражать не стану; если меньше пяти, придётся добавить». Тогда я серьёзно сказал: «Вы участвовали в кампании проверки кадров во время войны с Японией и должны помнить её уроки. Тогда семьдесят процентов сотрудников агентства “Синьхуа” и газеты “Цзефан жибао” назвали шпионами. После расследования выяснилось, что, кроме нескольких дел, требовавших дополнительной проверки, шпионов среди них не было. Позднее перед несправедливо обвинёнными извинились, но отношения уже были разрушены, а люди деморализованы. Та кампания имела ограниченный масштаб. Если теперь правящая партия повторит такую ошибку по всей стране, последствия будут огромны».

Собеседник с трудом выговорил, что вернётся и доложит о моих возражениях.

Но норма была установлена вышестоящим руководством. Когда позднее меня самого объявили «правым», в заключении партийной группы записали, что в начале кампании я «сопротивлялся борьбе с правыми». Приведу несколько примеров.

Чэнь Жункану было тридцать лет. Он долго жил во Франции, а после возвращения работал переводчиком в зарубежном вещании. Во время кампании его предложили объявить «правым». Я спросил: «На каком основании?» Руководительница группы ответила: «Он нападает на партию за бюрократизм». — «Но партия сама признавала бюрократизм ещё до кампании по исправлению стиля. На кого же он нападает?» — «Он противопоставляет нам лицемерную демократию капиталистических стран и обвиняет нас в отсутствии демократии». — «В чём именно выражается нападение?» — «Он выступает против меня, руководителя группы». Я возразил: «Разве несогласие с руководителем — это антипартийная деятельность? Разве не предписано особенно осторожно относиться к зарубежным китайцам и не навешивать ярлыки без веских оснований?» Мне ответили: «Правило действует только в течение первых трёх лет после возвращения, а он живёт здесь дольше». — «Насколько дольше?» — «На одну неделю». Я сказал: «Даже если прошла неделя, не торопитесь. Посмотрим, как будут развиваться события». Но после многочисленных собраний и обвинений Чэнь Жункана всё же признали «правым». Его отправили на принудительные работы в деревню, и чуть больше года спустя он умер.

Цянь Миньци, двадцатичетырёхлетнюю студентку Народного университета и редактора-стажёра, хотели объявить «правой», потому что её мужа уже признали «правым» в Министерстве иностранных дел, а она пришла туда плакать и протестовать. Я спросил: «Высказывала ли она сама какие-либо “правые” идеи? Как отреагировала на большие плакаты с нападками на партию?» Ответ был: «Никак». Я сказал: «Нужно понять, была ли это лишь эмоциональная реакция на судьбу мужа или у неё действительно есть политические убеждения, которые вы называете правыми. Это разные вещи». Но после долгих споров её всё равно объявили «правой».

Шао Яньсяну тогда было двадцать четыре года, он работал редактором отдела внутреннего вещания Центральной народной радиостанции. В начале ноября Мэй И уехал в Москву на празднование сорокалетия Октябрьской революции, и руководство кампанией против правых в управлении временно поручили мне. Отдел предложил отнести Шао к «правым», а решение требовало моего согласия. Я знал, что он пришёл на радио ещё шестнадцатилетним, до окончания Китайско-французского университета, был талантлив и писал стихи. Поэтому спросил, в чём обвинение. Мне ответили: «В его стихах есть антипартийские мысли». Я прочитал тексты, признанные антипартийными, и увидел обычную сатиру. Некоторые печатались в приложении «Чили» к «Китайской молодёжной газете»: например, стихотворение высмеивало покупателя, который намеренно мучает продавца, прикрываясь правилом «товар можно брать и менять сколько угодно». Остальные были в том же духе. Я не понимал, как это можно считать нападением на партию, и на всякий случай обратился к Линь Моханю, руководителю отдела литературы и искусства Управления пропаганды. Выслушав меня, он тоже решил, что Шао не следует объявлять «правым». Однако через двенадцать дней меня отстранили от этого дела, и я больше не мог вмешиваться. Вскоре я узнал, что Шао всё-таки получил ярлык «правого».

На самом деле к осени 1957 года отец прожил в Китае лишь два года — с осени 1955-го. Не знаю, ошибся ли Вэнь Цзицзе, написав в книге о трёх годах, или неточные сведения ему передала руководительница группы Гун Цзинмэй.

8 марта 1957 года. Слева направо, первый ряд: мои родители; справа налево: Гун Цзинмэй, Ян Линьчан; задний ряд, в центре: Пан Бинъань; справа от него спереди: Яо Юэсю; и несколько других испанских экспертов, имена которых мне неизвестны.

Глава пятая. Семья по разные стороны неба и земли

В марте 1958 года отец получил предписание уехать в сельскую местность на неопределённый срок для трудового перевоспитания. Он уверял мать, что верит в возможность исправления и что всё будет хорошо. Мать не доверяла Коммунистической партии, но не стала спорить — лишь просила его беречь себя на ферме и сказала: «Не тревожься. Куда бы ты ни поехал, я буду рядом и возьму с собой маленькую Ка». Мне было девять месяцев. После отъезда отца мать целиком ушла в работу и заботу обо мне.

Она продолжала вести дневник, записывая забавные и важные события моего детства, но почти ни словом не упоминала отца.

27 марта 1958 г.

Отец покинул свою маленькую дочь; разлука всегда мучительна. Как сильно он будет скучать по любимой девочке! Кажется, ребёнок чувствовал приближение расставания: вчера маленькая Ка была особенно ласкова с отцом, целовала его, играла и от души смеялась. Потом, работая в поле, отдыхая между сменами или глядя на чужих детей, он наверняка будет снова и снова вспоминать свою маленькую Ка.

Дочь быстро росла: от овощной каши она перешла к каше с яйцом и лапше на мясном бульоне.

16 марта стало памятным днём: маленькая Ка впервые попробовала мясо. Сначала ей дали бульон из почек, и она хорошо его перенесла. После этого мы каждый день готовили лапшу на мясном отваре. Видя, что пищеварение наладилось, аппетит улучшился и дочь крепнет, мы с Жунканом были счастливы. Единственным нашим желанием было её здоровье, потому что от него зависело и наше собственное счастье.

Помимо каши и лапши, почти каждый день мы даём ей немного мармелада, печенье, одну-две порции фруктов и сок. Прежде она больше всего любила апельсиновый сок, но апельсины сейчас не по сезону и стоят дорого, поэтому пришлось заменить его морковным.

* * *

2 апреля 1958 г.

Маленькая Ка крепкая и жизнерадостная. Она уже умеет махать на прощание, хлопать в ладоши и уверенно стоять. Маленькая Цзинцзин часто даёт ей свою игрушечную машинку, и та очень её увлекает: Ка встаёт внутрь и, держась за бортики, толкает машинку перед собой.

Недавно маленькая Ка перешла с жидкой яичной каши на более густую кашу с яйцом и мясным бульоном. Она готовится дольше, мясо медленно томится и отдаёт весь вкус. Ка ест её с большим удовольствием.

* * *

3 апреля 1958 г.

В последнее время маленькая Ка заметно поумнела. Думаю, этому помогают ежедневные прогулки и игры: на улице она видит множество новых вещей, которые пробуждают любопытство и развивают её.

Становится теплее, и с сегодняшнего дня мы начали выводить её на улицу ещё и по утрам. Утренний воздух особенно свеж, а прогулки полезны для здоровья ребёнка.

* * *

9 апреля 1958 года

Маме приходится уехать от любимой маленькой Ка, и мне очень тяжело. За десять месяцев мы не расставались ни на один день. Но выбора нет: я должна участвовать в добровольных работах. Надеюсь, за эти пятнадцать дней с ней всё будет хорошо. Я буду думать о дочери каждую минуту.

* * *

26 апреля 1958 г.

Я провела вдали от дочери полмесяца, и после возвращения она едва меня узнала. Как же я обрадовалась встрече с моей маленькой Ка! За эти две недели она многому научилась и уже произносит отдельные слова: «тётя», «мама», «мамочка», «свет», «дай», «брось», «идти». Особенно ей нравится слово «идти», то есть выйти гулять. Почти весь день она проводит во дворе. Просыпается около пяти-шести утра и сразу просится наружу. Час играет, возвращается поесть и после кормления снова идёт гулять. В доме она бывает почти только во время еды и сна.

Малышка уже ест не только бульон, но и мясо; пищеварение остаётся нормальным. Сегодня я купила рыбу и собираюсь сварить ей рыбную кашу. Она снова надела маленькие розовые туфельки, присланные бабушкой. Похоже, меньше чем через месяц они станут ей малы.

Малышка стала такой сообразительной. Я могу бесконечно смотреть на её улыбку.

* * *

28 апреля 1958 г.

Вчера маленькая Ка с удовольствием ела кашу с жирной рыбой. Наблюдать, как ей нравится еда, было для меня приятнее, чем есть самой. Сегодня днём я повела её в магазин, и по дороге нам встретился продавец мороженого на палочке. Я купила одно, и дочь тоже попросила попробовать. Она откусила слишком большой кусок, рот онемел от холода, и малышка растерялась. Выплюнула, но тут же потянулась за новой порцией. Все знакомые говорят, что она очень красивая. Возможно, её внешность не соответствует привычному представлению о красоте, но она необыкновенно мила и обаятельна.

* * *

29 апреля 1958 г.

Не знаю, когда это началось, но маленькая Ка снова увлеклась игрушечной машинкой Чака. Она требует, чтобы её катали, а сев в машинку, ни за что не хочет выходить. Стоит попытаться снять её, как она плачет; справиться с ней невозможно. Ка уже умеет самостоятельно подняться из положения на корточках и сделать один шаг. Я довольна тем, как она развивается, и тревожит меня только её упрямство.

* * *

1 мая 1958 г.

Сегодня рано утром тётя ушла смотреть праздничный парад и в четыре часа принесла маленькую Ка ко мне. В 7:15 дочь допила молоко, после чего я взяла её за покупками. С маленькой бамбуковой корзинкой она выглядела очаровательно. Но ходить с ней в магазин нелегко: она вертится, трогает каждую покупку и не позволяет забрать у неё корзинку. Прохожих это забавляет, а я думаю, что Ка впору переименовать в Сяо Тао — Маленькую Проказницу.

* * *

2 мая 1958 г.

На велосипеде маленькая Ка выглядит совсем взрослой — важной и очаровательной. Обязательно надо сфотографировать её во время такой поездки.

* * *

11 мая 1958 г.

В последнее время я так занята, что почти не успеваю вести дневник дочери. Днём работаю, вечерами хожу на собрания, а домой возвращаюсь совершенно измученной. Закончив самые необходимые дела, мечтаю только лечь и уснуть.

Маленькая Ка развивается поразительно быстро и с каждым днём становится милее. По речи, движениям и привычкам в еде она уже похожа на ребёнка постарше. Особенно выразительно её лицо. Иногда она наклоняет голову и внимательно смотрит на меня, словно проверяет, одобряю ли я то, что она делает. Это необыкновенно трогательно. Она мгновенно улав-

ливаает настроение окружающих: когда взрослые радуются, радуется и она; когда они смеются, смеётся; стоит кому-то нахмуриться, как Ка уже готова заплакать. Иногда я нарочно её журю, а она в ответ недовольно фыркает.

Восьмого числа тётя впервые дала ей пельмени. В первый день Ка съела тринадцать, десятого — пятнадцать, а сегодня — восемнадцать. Аппетит растёт с каждым днём. Одних каш и лапши ей уже мало: хочется новой, вкусной еды. Любое незнакомое блюдо она пробует с особенным удовольствием.

После обеда с пельменями я отвела её к Кан Ин. Тёте Кан Ин девочка очень понравилась, и она всё время её хвалила. Ка тоже вела себя безупречно: весь день играла без слёз и капризов. Даже упав с кровати и ударившись головой, почти не заплакала.

* * *

18 мая 1958 г.

Сегодня выдался ясный, тёплый день. После отъезда Жункана я ни разу не водила Ка к Янь Бао. Утром, накормив дочь, мы взяли приготовленные тётей пельмени и отправились за город. По дороге Ка была бодра и возбуждённо разглядывала всё большими глазами. Воскресный автобус оказался переполнен, но наконец мы нашли место. Я с гордостью держала её на руках, пока машину трясло на дороге.

За городом воздух был чистым и свежим. Господин и госпожа Янь ждали нас дома. Перед нашим приездом Янь Бао поднял всю семью пораньше, чтобы купить продукты и мясо. Я позабывала их маленькому двору: в середине росло большое дерево, вокруг цвели цветы, и всё было ухожено. Будь у нас такой дворик, моя Ка была бы счастлива — проводила бы там всё время, кроме еды, и, пожалуй, даже спала бы на воздухе.

Около четырёх часов мы собрались домой. Господин и госпожа Янь, Сяогуай и Сяодяньэр проводили нас до остановки, посадив Сяодяньэр и маленькую Ка в коляску. День получился особенно приятным.

* * *

8 июня 1958 г.

Я давно не записывала ничего о маленькой Ка: в последнее время была невероятно занята. Работа, собрания и две её болезни подряд совершенно меня измотали.

Последние недели дались маленькой Ка тяжело: едва оправившись от одной болезни, она заболела снова. На третий день после поездки к Янь Бао у неё поднялась температура, нередко почти до сорока градусов. Дважды пришлось срочно везти её в больницу; во второй раз мы провели там четыре-пять часов. Как только температура прошла, начался понос. За десять дней дочь заметно похудела.

Сегодня погода была хорошей, и, поскольку я сама только оправилась после болезни, рано утром повела Ка в парк Юэтань. Воздух был свеж, посетителей почти не было — вероятно, из-за раннего часа. У входа мы увидели человека с ребёнком и двумя кроликами. Ка никогда прежде не видела этих белых зверьков с красными глазами и смотрела на них с любопытством и восторгом. Она долго играла рядом, срывала траву у дорожки и протягивала кроликам. Когда их хозяева ушли, мы отправились дальше в парк.

В парке Юэтань были детские качели в форме деревянных вёдер, в которых малышу удобно сидеть. Я посадила туда Ка; рядом с большим сиденьем она казалась совсем крошечной, но качели ей понравились. Как бы высоко я ни раскачивала, она смеялась и ничуть не боялась. Несколько раз отказывалась слезать и в конце концов едва не вывалилась из сиденья.

Мы катались на качелях и карусели, пока Ка не наигралась вдоволь, а затем вернулись домой.

Когда мы вернулись, было уже десять часов.

* * *

15 июня 1958 г.

Первый день рождения маленькой Ка прошёл спокойно. В последнее время я была так занята работой и собраниями, что почти не успевала играть с дочерью. Чтобы сделать фотографии на память, мы с тётёй решили сегодня поехать на Ванфуцзин.

Мы вышли около двух часов дня и от станции Ванфуцзин направились прямо в фотостудию «Китай». Но всё время до семи вечера было занято, и от съёмки пришлось отказаться. Затем мы пошли в универмаг за игрушкой для Ка. В честь её дня рождения я подарила тётё отрез серой ткани. После этого зашли в ресторан «Мир» выпить чего-нибудь прохладного. Меня удивило, как дочери понравились холодные лакомства: многие дети её возраста их боятся, а Ка без колебаний выпила бутылку апельсинового напитка и съела моё мороженое.

Из ресторана «Мир» мы отправились покупать Ка обувь, а около пяти часов поехали домой на двухместном велорикше. Сегодня дочь впервые попробовала рис.

* * *

26 июня 1958 г.

К сожалению, едва оправившись от краснухи, Ка заразилась от Чака ветрянкой. Отца нет рядом, и больше всего я боюсь, что на лице останутся шрамы. Как тяжело будет девочке жить с обезображенным лицом!

* * *

29 июня 1958 г.

Из-за ветрянки я не смогла вывести Ка гулять в это воскресенье. К счастью, болезнь протекает легко и на лице нет ни одного волдыря. Это меня успокаивает.

Сегодня я обнаружила новое умение Ка: теперь она может забраться с пола на кровать. Сначала опирается одним коленом, потом подтягивает вторую ногу и оказывается наверху. В грязных кожаных туфельках она важно расхаживает по постели — смешно и досадно одновременно.

Мы с Ка лучшие подруги, хотя она немного меня побаивается. Когда слишком разыграется, мне достаточно строго окликнуть её, и она останавливается. Если делает что-то недозволенное, я говорю несколько слов, и дочь понимает, что провинилась. Тогда поворачивает ко мне лицо, словно просит прощения и обещает: «Больше не буду». Увидев это выражение, я уже не в силах продолжать ругать её.

Нам всё ещё не удалось сделать фотографии к первому дню рождения Ка.

* * *

5 июля 1958 г.

Маленькая Ка научилась ходить! Какую радость я испытывала, глядя на её первые неуверенные шаги! Жаль, что папы не было рядом и он не мог разделить со мной это особенное родительское счастье. Сяо Ка начала учиться ходить, держась за мою руку. Возвращаясь с работы, я выводила её поиграть во двор. Она непременно хотела встать на землю босиком. Дорожку у входа недавно замостили, и она была ровной и гладкой. Я поставила малышку на ноги; сначала она несколько раз прошла вокруг меня, держась за руку, а потом наконец отпустила её и сделала первые робкие шаги. Все во дворе восклицали: «Смотрите, маленькая Ка уже ходит!» И правда, она уже кажется большой девочкой. Я представляю, как через несколько лет, когда ей исполнится четыре или пять, буду каждый день водить её в детский сад. Как быстро летит время!

* * *

6 июля 1958 г.

Сегодня утром я снова отвела Сяо Ка в парк. Там она непременно хотела ходить сама: теперь она делает по семь-восемь шагов, а держась за мою руку, идёт уже совсем уверенно. Но у неё появилась дурная привычка — вспыхивать по малейшему поводу и замахиваться на меня. Основы хорошего воспитания нужно закладывать с самого раннего возраста, а я не знаю, как поступить. Она ещё не понимает ни брани, ни наказания, да и применять их было бы

неправильно. Уговоры тоже пока не действуют, однако откладывать решение этой проблемы нельзя. Что же мне делать?

Маленькая Ка обожает рисовать карандашом. Стоит ей увидеть, что я пишу, как она тут же тянется к блокноту и ручке. Особенно ей нравится моя перьевая ручка: порой она может долго держать её в руках. А если дать ей лист бумаги и карандаш, она готова рисовать полдня.

Сяо Ка не любит помидоры, зато обожает арбуз и фруктовый лёд. Всю последнюю неделю она каждый день съедает по одному-два кусочка арбуза. Не надоедают ей и пельмени. Похоже, она настоящая северянка, хотя оба её родителя родом с юга!

* * *

10 июля 1958 г.

Сегодня Сяо Ка исполнилось тринадцать месяцев. Она уже большая девочка — озорная и шумная. У неё сильный характер; она смелая, жизнерадостная и при этом необыкновенно милая.

Когда Сяо Ка было одиннадцать месяцев, речь у неё развивалась быстро — быстрее, чем у Цзинцзин. Помню, во время болезни она часто повторяла: «Мама, обними меня». Но, как ни странно, за последние месяц-два почти никакого прогресса не было. Она знает много слов и умеет их произносить, однако по просьбе говорить отказывается, и мы не знаем, что с этим делать.

Маленькая Ка обожает фруктовый лёд и требует его каждый день после обеда. Стоит ей увидеть коробку, как она тянется к ней и кричит: «Дай!» Эту привычку привила ей няня. Няня радуется всему новому, что осваивает малышка, и не замечает, как возникают дурные привычки. Драться, ругаться, отнимать игрушки — всё это кажется ей забавным и даже свидетельствует, по её мнению, о сообразительности ребёнка. Я же почти всё время на работе и не успеваю заниматься воспитанием дочери. Я понимаю, что так нельзя, но пока не могу ничего изменить.

* * *

16 июля 1958 г.

Потница на затылке у маленькой Ка сильно обострилась, и я решила завтра обрить ей голову. Сегодня вечером я поспешила сфотографировать её, но снимок, к сожалению, получился неудачным. Я едва успела сесть рядом, а малышка ещё толком не проснулась, как фотограф уже нажал на спуск. По дороге она уснула в велорикше вскоре после того, как мы въехали в Фусинмэнь. Добравшись до Сиданя, я купила ей фруктовый лёд в магазине, чтобы разбудить. Она так и не пришла в себя окончательно, но я всё же поспешила отвести её в фотостудию.

* * *

18 июля 1958 г.

Малышке обрили голову, и теперь она совсем похожа на мальчишку — озорного, непоседливого и неуправляемого. И всё же бритая голова ей удивительно идёт — так говорят и все соседи. Когда папа вернётся, он, наверное, не узнает маленькую Ка: у неё теперь новая причёска, к тому же она уже ходит. Встреть он её одну у двери, наверняка решил бы, что это чужой ребёнок.

* * *

20 июля 1958 г.

В последнее время Сяо Ка хорошо развивается: она уже ходит, причём довольно уверенно. Кроме того, у неё прорезались ещё два зуба — теперь их шесть. Она стала гораздо крепче, чем прежде, и по сравнению с Сяо Цзинцзин заметно продвинулась вперёд. Жаль только, что сильная потница на затылке, вероятно, оставит шрам.

Сегодня к нам приходил Янь Бао и обедал у нас. Ему очень нравится Сяо Ка. Он внимательный и заботливый человек — я не раз замечала это, когда он бывал у нас.

* * *

29 июля 1958 г.

Время летит — июль уже подходит к концу. Малышка растёт с каждым днём, но и становится всё непослушнее. Иногда она так выводит меня из себя, что хочется её отшлёпать. Обстановка здесь нездоровая и плохо влияет на Сяо Ка. Особенно меня тревожит Сяо Цин: девочка лжёт, плачет и бранится. Я очень боюсь, какой станет моя дочь, если будет постоянно играть с такими детьми.

Последние несколько дней Сяо Ка нездорова. Пару дней назад у неё немного поднялась температура, но работа и собрания не оставили мне времени сводить её к врачу. Теперь она кашляет, а сыпь с затылка распространилась на лоб и область вокруг глаз. Я совершенно не знаю, что делать. Её отец всё говорит, что скоро вернётся, но его до сих пор нет. Иногда тревога и усталость так сильны, что мне кажется: одной мне не справиться.

Моя мать всегда была осмотрительна и никогда не говорила лишнего. Ниже — сохранившийся фрагмент её письма отцу; от письма осталось только две страницы:

...Анализ крови показал, что у неё детская розеола. Высокая температура держалась четыре дня, на пятый появилась сыпь, после чего состояние постепенно улучшилось. Теперь она совершенно здорова, только немного похудела.

Писать письма мне удаётся только по субботам: во все остальные вечера у нас собрания. После них я так измотана, что не могу продолжать писать, поэтому порой несколько раз откладываю ручку, прежде чем закончу хотя бы одно письмо.

Лю Эрхуан уезжает сегодня вечером. Вчера он заходил ко мне — пожалуйста, поблагодари его от моего имени. Я рассказала ему, как у меня дела, и он всё передаст тебе, поэтому подробно писать не буду. У меня всё хорошо, со своими делами я справлюсь сама, обо мне не беспокойся. Надеюсь, ты сможешь спокойно трудиться в деревне. Приближается напряжённая пора сельскохозяйственных работ, постарайся сделать всё, что в твоих силах.

В прошлый раз я сначала передала твоё письмо Чжан Хуа. Прочитав его, он переслал письмо Су Ци. Не знаю, ответили ли они тебе. Когда будет время, чаще сообщай группе о своих мыслях; хорошо бы также написать Чжан Хуа или Цзо Мойе.

Вчера был День защиты детей. Я нарядила дочь в платье и хотела её сфотографировать, но погода испортилась, да и фотограф из меня никудышный, поэтому ничего не получилось. Через восемь дней ей исполнится год. Я хочу отвести её в фотостудию и сделать памятный портрет: на мои собственные снимки полагаться нельзя — неудачные кадры приходится выбрасывать.

Сяо Ка уже произносит много слов. Во время недавней болезни я была ей особенно нужна: увидев меня, она сразу кричала: «Мамочка, обними меня!» Но целый день меня нет дома, и обнять её я могу только во время обеденного перерыва. Мне даже приходится заводить для няни будильник, чтобы она вовремя давала лекарство. Няня хорошо относится к Сяо Ка и очень её любит, но слишком балует, и у девочки портится характер. Теперь я почти целиком передала заботу о ней няне. Вижу малышку только утром и в обед, а к моему возвращению с вечернего собрания она уже спит. Самые счастливые для нас дни — воскресенья. Я дважды брала её в гости: один раз к Кан Ин, другой — к Янь Бао. Все друзья говорят, что Сяо Ка становится всё красивее. Одни находят, что она всё больше похожа на тебя, другие — что она моя копия. Не знаю, кто прав. Когда ты вернёшься на летние каникулы, она, возможно, тебя не узнает. Раньше она не хотела вылезать из ванночки после ежедневного купания. Теперь мы купаем её не перед сном, а около пяти-шести часов вечера. Потом она спускается во двор подышать прохладным воздухом и в половине восьмого возвращается пить молоко. Жару малышка переносит плохо: на голове у неё сильная потница. Друзья советуют обрить её, но у меня не поднимается рука. Как ты думаешь, стоит ли? Пока я лишь немного укоротила волосы и каждый день собираю их в маленький хвостик, который некоторые называют «ракетой». Сяо Ка уже ест пельмени — по семнадцать-восемнадцать штук за раз. Яичная каша ей

надоела, а омлет с зелёным луком она почти не любит. Каждый день я даю ей помидор без семян: четверть варю вместе с лапшой, остальные три четверти посыпаю сахаром. Она обожает фруктовый лёд, и холод её нисколько не смущает. Если ничего не дать, она кричит и требует. Когда ты вернёшься, вместе поведём её за мороженым!

Подгузники ей уже почти не нужны. Я купила две пары эластичных трусиков, совсем как у взрослых, — под платьем они смотрятся чудесно. Словом, она уже большая и очень милая девочка. Любит играть моей перьевой ручкой и рвать книги. Я купила ей игрушечные часики, и она с удовольствием их носит. О Сяо Ка можно рассказывать бесконечно: она — моё утешение и радость.

Без неё, когда и тебя нет рядом, эти дни были бы совсем безрадостными.

Становится жарко. Как ты там? Есть ли возможность нормально помыться? Я очень по тебе скучаю.

Я так и не решилась купить конфеты, о которых ты просил. По тону Лю Эрхуана я поняла, что передавать такие вещи было бы неуместно. Поэтому о конфетах я не заговорила, сказала только, что хочу послать чай. Он ответил: «Ничего страшного», но я всё равно боялась, что конфеты произведут на товарищей плохое впечатление. К счастью, ты скоро вернёшься, так что можно немного подождать. Дело не в боязни хлопот и не в том, что я не хочу тебя порадовать; я лишь опасаясь поставить тебя или себя в неловкое положение. Прости меня.

Мне ещё так много хочется сказать, но сейчас мысли путаются. Сначала попрошу Лю Эрхуана передать тебе это письмо, а потом допишу, если что-нибудь вспомню. Обязательно ответить.

Желаю тебе крепкого здоровья! Люблю тебя.

Твоя Синьхэ

2 июня 1958 г.

Во вторую годовщину свадьбы моих родителей отец находился на ферме. Он прислал матери две высушенные чёрные фасолы; на одной была вырезана дата их свадьбы: «58.7.14».

Подарок отца матери ко второй годовщине их свадьбы, к счастью, сохранился до наших дней.

В сентябре или октябре 1958 года отец приехал к нам на четыре-пять дней. Мать вспоминала, что он был очень слаб, постоянно испытывал голод и хотел есть всё подряд, особенно сладкое. В одном из разговоров он взволнованно сказал: «Нужно ещё немного подождать и посмотреть. Может быть, всё изменится; может быть, они были правы». Он имел в виду антикоммунистические взгляды и недоверие к Коммунистической партии, с которыми сталкивался во Франции. Тогда отец отвергал их, но теперь сам стал жертвой системы и, оглядываясь назад, всё чаще сомневался. Перед отъездом он обнял мать и меня и сказал: «Если когда-нибудь мы обретём свободу, я увезу тебя и маленькую Ка во Францию».

После короткого свидания отец вернулся в деревню, где проходил трудовое перевоспитание.

Драгоценные минуты с дочерью перед новым отъездом отца.

Мать привела меня в парк Юэтань.

Я после того, как мне обрили голову.

Глава шестая. Мать увозит меня на северо-запад

В ноябре того же года сотрудник отдела кадров вызвал мать на разговор. «Сяо Гу, — сказал он, — организация приняла решение о переводе. Народной радиостанции Нинся остро нужны сотрудники, и вас направляют туда. Тогда после окончания трудового перевоспитания вашему мужу будет куда вернуться. Заодно будет решён вопрос и с вашим отцом». Мать прекрасно поняла скрытый смысл этих слов и ответила: «Мне нужно подумать. Я сообщу о своём решении позже».

Решение кадровой службы означало, что отец больше не мог работать на Центральной народной радиостанции, а мать отправляли в Нинся, чтобы после трудового перевоспитания ему было куда приехать. Продолжать работу в Пекине ей не позволяли и из-за происхождения: её отца объявили «историческим контрреволюционером» и заключили в шанхайскую тюрьму Тиланьцяо. Мой дед по материнской линии преподавал английский в Сямэньском университете, а после капитуляции Японии служил переводчиком в местном суде Циндао. Во время гражданской войны суд оставался под юрисдикцией Гоминьдана, и тогда дед вступил в эту партию. По словам моей бабушки, членство было чисто формальным и никакой партийной деятельностью он не занимался. После прихода КПК к власти дед вернулся в родной Чанчжоу и некоторое время оставался без работы. В 1951 году младший брат написал ему с Тайваня, обещая помочь с трудоустройством, и дед уехал туда. Уже в начале 1952 года, не сумев привыкнуть к острову и тоскуя по дому, он с большим трудом получил разрешение вернуться в Шанхай. Позднее, благодаря мужу старшей сестры, устроился бухгалтером на фабрику замков. Когда началась очередная политическая кампания, его объявили гоминьдановцем и тайваньским шпионом. В тюрьме от него требовали признаться, с каким заданием он прибыл и сколько денег получил: иначе, спрашивали следователи, откуда у него средства на «безбедную жизнь»? На самом деле семья жила очень скромно — на дедову зарплату и заработок моей бабушки, учительницы начальной школы.

Мать мучительно обдумывала предстоящее решение. Она никогда не бывала на северо-западе и знала, что жизнь там тяжела. Как перенесёт переезд маленький ребёнок? К тому же отца отправили на ферму Хуанхуа в уезде Цансянь, недалеко от Пекина. Уехав в Нинся, мы оказались бы ещё дальше от него, а после освобождения ему даже негде было бы остановиться поблизости. Возможность встреч стала бы почти призрачной. Несколько дней мать не давала ответа. Кадровики приходили снова и снова: «Мы не хотим вас принуждать, но другого выхода нет». В конце концов она была вынуждена согласиться. Мать написала отцу; разумеется, и он ничего не мог изменить. Отец лишь хотел перед нашим отъездом ещё раз увидеть нас и проводить на вокзал. Он попросил назначить дату и прислать телеграмму. Поезда из Пекина в Иньчуань ходили раз в четыре-пять дней, а нам предстояло перевезти мебель и достать спальные места, поэтому уехать сразу было невозможно. На праздник Весны 1959 года отец снова приехал. Он опять говорил о непосильной работе и нехватке еды на ферме. Тогда мы сделали последние две сохранившиеся фотографии с ним. На снимках отец кажется полнее прежнего, но мать объясняла, что лицо и тело опухли от голода. На этот раз родителям было ещё тяжелее расставаться. Они не знали, когда увидятся снова и что ждёт нас в Нинся. Будущее было слишком мрачным, чтобы о нём думать. Как же им хотелось пройти через испытания вместе, но распоряжаться собственной судьбой они не могли. Отец пробыл в Пекине четыре дня и 11 февраля 1959 года снова уехал на ферму.

После расставания мать написала отцу длинное письмо. В нём она говорила о боли и отчаянии, охвативших её после его отъезда, словно предчувствуя беду.

Мой дорогой Жункан! Когда я сажусь писать тебе, мне трудно описать свои чувства. Весь день меня не покидают одиночество, опустошённость и печаль. Маленькая Ка всё спра-

шивает: «Где папа?» — и от этого мне ещё больнее. Днём, укладывая её спать, я не выдержала и расплакалась. Она словно всё поняла и спросила: «Почему ты плачешь?» Я поцеловала её и ответила: «Я скучаю по папе». Потом спросила: «А ты скучаешь по папе?» Она приложила руку к груди и сказала: «Да». Жункан, это расставание больнее двух предыдущих. В первый раз я была поглощена болезнью, во второй — работой. Я скучала по тебе и тогда, но не так мучительно. Наверное, потому, что теперь мне предстоит далёкий переезд, и одна мысль об этом делает разлуку ещё тяжелее. Ты, возможно, скажешь, что я слишком слаба. Да, это моя слабость, и я стараюсь её преодолеть. Но расставаться с тобой — совсем не то, что с кем-либо другим! И мы даже не знаем, когда снова увидимся.

После твоего отъезда я вчера не могла уснуть до часу ночи. Около полуночи услышала вдали поезд, но не знаю, был ли это твой. Сяо Ка тоже не засыпала почти до половины двенадцатого и утром проспала до без четверти девять. Боюсь, не простудилась ли она по дороге домой: сегодня выглядит нездоровой. У меня расстройство желудка и сильный насморк. Жункан, теперь, когда тебя нет, я ещё сильнее привязалась к Сяо Ка — она единственный близкий человек, оставшийся рядом.

Я запомню всё, что ты сказал мне перед отъездом. Не тревожься и старательно работай в деревне. Добравшись до Иньчуаня, я тоже буду хорошо трудиться и устрою наш быт. Ни о чём не беспокойся!

Твой нынешний приезд и последующий отъезд заставили меня почувствовать, что наши отношения стали глубже, чем прежде. Всегда верь в мою любовь. Между нами ещё есть некоторые разногласия во взглядах, но сама жизнь постепенно приведёт нас к единству. В сущности, я согласна с тем, что ты говорил, хотя порой дурные мысли всё ещё берут верх. (Примечание автора: после более чем года преследований политические убеждения отца пошатнулись, однако он всё ещё оставался более «прогрессивным», чем мать.) Первое, что я должна сделать, — хорошо работать. Если в Иньчуане мне поручат готовить литературные передачи, уверена, я справлюсь.

Сегодня утром я встала и привела дом в порядок. Когда тебя нет, я всегда поддерживаю идеальную чистоту; когда ты возвращаешься и поздно встаёшь, я тоже начинаю лениться и слишком на тебя полагаться. Я вымыла щёлочной водой всю посуду и кухонную утварь, потом приготовила еду для себя и Сяо Ка. Пообедали мы в полдень. Сегодня распорядок малышки наконец вернулся в норму.

Письмо пришлось писать в два приёма. Сейчас меня клонит в сон. Со мной всё хорошо, я лишь очень скучаю по тебе. Простуда тоже почти прошла. Не знаю, когда мы снова увидимся. Теперь остаётся ждать от тебя добрых вестей. Целую! И ещё раз целую!

Твоя Синьхэ

12 февраля 1959 года, пятый день лунного месяца, вечер.

P. S. Не знаю, когда удастся купить билеты: говорят, спальные места появятся только в конце месяца. Ответ пришли, пожалуйста, в общежитие. Когда ты приступаешь к работе? Я забыла спросить, чем именно вы теперь занимаетесь.

Наша последняя фотография с отцом, февраль 1959 года. Его опухшее от голода лицо совсем не похоже на лицо человека со снимка, сделанного за полтора года до этого, вскоре после моего рождения.

Ниже — ответ отца. Судя по письму, он старался сохранять надежду:

Синьхэ! Вчера я получил твоё письмо, и меня охватило неопишное чувство — словно я вновь влюбился в тебя. Сегодня перечитал его несколько раз и будто погрузился в сладкий сон о первых днях нашей любви. Глядя на твой прекрасный почерк, думаю о тебе и Сяо Ка, мечтаю о нашей будущей счастливой семейной жизни. На глаза наворачиваются слёзы, и мне остаётся украдкой вытирать их, едва сдерживая чувства. Но на этот раз, в отличие от прежних, тоска по дому не мешает работе. Напротив, я направляю всю силу переживаний в труд: чем больше

думаю о тебе, тем энергичнее становлюсь. Обычно при переноске грузов плетусь последним, после каждого рейса несколько раз останавливаюсь передохнуть и всё время задыхаюсь. А сегодня шёл впереди, без остановки бегал туда и обратно, быстрее всех. И не только не устал, но словно прибавилось сил. Разве это не чудо? Синьхэ, ради скорейшего воссоединения с тобой я твёрдо решил измениться и надеюсь на твою духовную поддержку. Я также надеюсь, что и ты будешь работать над собой. Только так мы сможем обрести счастье; иначе наши мечты останутся мечтами.

Письмо, которое я отправил вчера утром, адресовано в Пекин. Боюсь, к тому времени, когда оно придёт, вы уже будете в дороге. Поэтому пользуюсь перерывом, чтобы написать ещё раз и выразить свои чувства. Надеюсь, это письмо будет ждать тебя в Иньчуане и ты обрадуешься, получив его.

Подробно напиши, когда вы выезжаете из Пекина и каким маршрутом поедете, чтобы я не волновался. Маленькой Ка наверняка понравится поезд, правда? Проводники о вас позаботятся. Если понадобится помощь, напиши мне или обратись прямо к Дин Шианю.

С сегодняшнего дня мы снова питаемся в общей столовой; надеюсь, еда станет лучше. Сейчас перевозим рис. Потом, вероятно, будем ремонтировать рыбоводные пруды, а когда растает лёд, начнём готовить рассадку риса.

Синьхэ, трудно предсказать, когда мы сможем воссоединиться. Думаю, это случится нескоро, поэтому надо быть готовыми к долгой разлуке и строить планы на будущее. Самое важное сейчас — сосредоточиться на работе.

Дорогая маленькая Ка, мы ещё встретимся и будем крепко обнимать и снова и снова целовать тебя!

Твой любящий Жункан

17 февраля 1959 года

P. S. Это письмо я уже собирался отправить, когда получил твоё письмо от 12 февраля. Я забрал конверт, дописал несколько строк, а затем написал ещё одно письмо и послал его в Пекин.

Тогда я не могла знать, что та встреча окажется последним прощанием с отцом. Надежда родителей на воссоединение, мечта снова крепко обнять друг друга так и не осуществились. Мне был год и восемь месяцев; я ничего не понимала и, конечно, не могла представить, что потеряла отца навсегда.

В марте 1959 года мать увезла меня в Иньчуань, столицу Нинся. Климат там был холодным и сухим. Начинался Великий голод, особенно тяжело поразивший соседнюю провинцию Ганьсу.

Мать должна была работать, и меня отдали в детский сад при Народной радиостанции Нинся. Чтобы получать молоко, требовалось встать на учёт; своей очереди мы ждали два месяца. Всё это время в Иньчуане у меня не было ни молока, ни фруктов. В детском саду кормили жидкой кашей, рисовым отваром и паровыми булочками. За детьми почти не следили: мы бегали где хотели, возились в грязи и подбирали с земли всё подряд. Мать рассказывала, что после работы я радостно бросалась к ней — слюнявчик и руки в грязи, из носа текло. Несколько раз она вытаскивала у меня изо рта грязные финиковые косточки. В рисовую кашу иногда клали финики; дети съедали их, выплёвывали косточки на землю, а потом снова подбирали и обсасывали.

Из-за переезда и грязной, скудной пищи я одна за другой перенесла множество инфекций: конъюнктивит, дизентерию, брюшной тиф, корь, скарлатину и коклюш. Мать вспоминала, что несколько раз моё состояние было настолько тяжёлым, что она боялась потерять меня. Она просила помощи у всех знакомых и наконец нашла няню — Сюэ Яцин, уроженку Шанхая, чистоплотную женщину, которая прекрасно готовила. Тётя Сюэ оставалась со мной весь день

до возвращения матери. Благодаря заботе обеих женщин я выжила. У матери вновь появилась надежда, и она продолжила записывать, как растёт её любимая дочь.

13 мая 1959 г.

Жизнь несётся вперёд с головокружительной скоростью, и, оглядываясь назад, мы порой сами удивляемся произошедшим переменам.

Прошёл почти год, и Сяо Ка растёт не по дням, а по часам. Через месяц ей исполнится два. Мы переехали из Пекина в Иньчуань, условия жизни резко ухудшились, к местному климату мы до сих пор не привыкли, и ребёнок постоянно болел. Но теперь она понемногу приспособляется. За последние две недели, после того как нам стали выдавать полцзиня молока и удалось найти няню, малышка даже немного поправилась. Щёки порозовели, кожа на ножках и ягодницах стала крепче.

Здоровье ребёнка — залог материнского счастья. Мне больше ничего не нужно; видеть, как растёт маленькая Ка, — моё единственное утешение.

* * *

17 мая 1959 г.

Утро — самое счастливое время для нас обеих. Проснувшись, Сяо Ка обнимает меня за шею и долго прижимается ко мне. В последнее время работа отнимает почти всё моё время, и эти короткие минуты — единственная возможность побыть с дочерью.

* * *

1 июня 1959 г.

Маленькая Ка теперь умеет сказать почти всё, что хочет, а порой даже рассказывает мне небольшие истории. За последний месяц она удивительно повзрослела. Несколько дней назад я случайно увидела, что она сама снимает туфли и носки. Вчера стала учить её обуваться. Провозилась она долго, но в конце концов справилась — и это при том, что туфли у неё кожаные!

Теперь Сяо Ка хорошо спит: всю ночь не просыпается и не просится на горшок.

* * *

31 июля 1959 г.

Последний год у меня почти не было времени заниматься ребёнком. Записи о Сяо Ка стали нерегулярными: порой я начинала писать, а потом на несколько месяцев оставляла дневник.

Каждый день ребёнок предстаёт перед нами словно новым и почти ежедневно чему-нибудь учится. Особенно поражает развитие её речи. Ей всего два года, а говорит она уже лучше некоторых трёхлетних детей.

Любимая фраза Сяо Ка в последнее время — «Я сама». Почти всё она непременно хочет делать без помощи. Даже если я или кто-то другой уже сделали что-нибудь за неё, она требует начать заново и выполнить всё самостоятельно. Если это и есть детская самостоятельность, то её у Сяо Ка в избытке.

Меня тревожат её упрямство и несговорчивость. Возможно, я неправильно с ней обращаюсь: иногда она совсем меня не слушает. Конечно, бывает и послушной. Когда понимает, что поступила плохо, тихонько подходит и говорит: «Мамочка, я хорошая, я буду хорошо себя вести». В целом она чудесный ребёнок.

Несколько дней назад мне подарили фотоплёнку. Я собиралась в воскресенье сфотографировать Сяо Ка, но теперь должна выйти на работу, и от замысла придётся отказаться.

* * *

2 августа 1959 г.

Игривую и очаровательную Чэнь Ка невозможно не любить.

* * *

20 июля 1960 г.

Тётя Сюэ ушла, и Сяо Ка снова стала ходить в детский сад. Пожалуй, это неплохо: теперь она крепче и выносливее, чем во время первого поступления. Общение и игры с другими детьми, несомненно, пойдут ей на пользу.

* * *

24 августа 1960 г.

Мой паёк и без того был ничтожным, но в прошлую субботу я оставила для Сяо Ка маленький кусочек паровой булочки. Увидев меня, она очень обрадовалась. Я спрятала руки за спиной и попросила угадать, что вкусного принесла мама. Она стала разжимать мои ладони — одна была пуста, другая тоже. Малышка уже начала хныкать от нетерпения. Тогда я достала булочку, и она закричала: «Булочка! Булочка!» — схватила её и сразу сунула в рот. Когда в понедельник я пришла за дочерью, она первым делом посмотрела на мои руки и разочарованно сказала: «У мамы нет булочки». Сердце у меня сжалось. С тех пор, как бы ни была голодна, я каждый день оставляла ей хотя бы маленький кусочек.

Тётя Сюэ заботилась обо мне чуть больше года. Чтобы прокормиться, ей пришлось перейти няней в другую семью, где кроме небольшой платы давали жильё и еду. Этот год был самым тяжёлым для нас после переезда в Иньчуань. Тётя Сюэ поддержала мать и фактически спасла мне жизнь.

О самом раннем детстве я помню немного, но один эпизод сохранился очень ясно. Однажды вечером мать собиралась уйти, а я плакала и умоляла её остаться. Она сказала, что никуда не пойдёт, только ненадолго выйдет и сразу вернётся. Я крепко держала её за указательный палец, пока она лежала рядом и гладила меня, убаюкивая. Но я ещё не уснула, когда она всё-таки ушла. Я снова громко заплакала, однако мать не вернулась. Плакала до изнеможения и всё равно не могла заснуть. Я так тосковала по ней, что сердце словно разрывалось, и не сводила глаз с двери. Наконец, спустя долгое время, мать пришла. Я закричала: «Мамочка!» Она удивилась, что я не сплю, и тут же легла рядом. Я снова схватила её за палец, успокоилась и почувствовала себя в безопасности. Мать гладила меня и пела знакомую индонезийскую колыбельную «Малышка», пока я не заснула. Вероятно, в тот вечер ей опять пришлось идти на бесконечное партийное собрание с очередной политической проработкой, оставив дома плачущего двух- или трёхлетнего ребёнка.

Мать рассказывала, что после нашего переезда в Иньчуань родители стали переписываться реже, а письма шли примерно две недели. Почти вся эта переписка, кроме двух приведённых выше писем, утрачена. Во время Культурной революции мать разделила письма, мои детские дневниковые записи, фотографии и другие дорогие ей вещи на две посылки: одну отправила бабушке в Чанчжоу, другую — своей матери в Шанхай. Шанхайская посылка позднее нашлась, а чанчжоуская исчезла бесследно.

Мы с матерью в Иньчуане.

Глава седьмая. Чэнь Вэйси — товарищ отца по несчастью

Первые полгода пребывания отца в деревне официально назывались «трудом кадровых работников». Вместе с объявленными «правыми» туда направляли представителей так называемых революционных масс — по одному надзирателю на каждого «правого». С отцом жил Лю Эрхуан, назначенный за ним наблюдать. Отношения у них сложились неплохие. Представителям «масс» чаще разрешали ездить домой, и однажды отец попросил Лю Эрхуана привезти из Пекина немного еды. Во второй половине 1958 года эта программа закончилась, и надзиратели постепенно вернулись в столицу. «Правых» собрали вместе: одних отправили осваивать Великие северные пустоши, других — на китайско-чехословацкую ферму дружбы в Хуанхуа, уезд Цансянь провинции Хэбэй, на длительное трудовое перевоспитание. Отец и ещё сорок-пятьдесят сотрудников Центрального управления радиовещания оказались в Хуанхуа. Почти все они были молодыми людьми двадцати-тридцати лет с высшим образованием.

Среди них был Чэнь Вэйси, на два года моложе отца. Он работал в английской редакции Центральной народной радиостанции и прежде учился в Канаде. В Пекине они несколько раз видели друг друга, но до Хуанхуа лично знакомы не были. Во время отправки кадров в деревню они трудились в разных местах: отец — в Цяньличжае, Чэнь Вэйси — в Малуопо. На ферме их зачислили в одну бригаду. Чэнь Вэйси родился в 1928 году в Чунцине, провинция Сычуань. В 1949 году поступил в Торонтский университет, а в сентябре 1952-го вернулся в Китай. В Торонто тогда учились пятьдесят-шестьдесят китайцев. По его словам, большинство относилось к двум группам. Первую составляли государственные стипендиаты — отличники китайских университетов, отправленные за границу правительством Гоминьдана. При выезде они могли официально купить доллар США за двадцать юаней, тогда как на чёрном рынке из-за обесценивания валюты доллар стоил уже несколько тысяч. Эти студенты обычно сторонились политики и были поглощены учёбой. Материально зависимые от правительства, они не критиковали Гоминьдан даже тогда, когда были им недовольны. Жили замкнуто, редко ходили в столовую и готовили на электрических плитках. Ко второй группе принадлежали дети чиновников и богачей, любившие приёмы, светскую жизнь и дорогие автомобили. После прихода коммунистов к власти ни те ни другие не собирались возвращаться. Чэнь Вэйси не принадлежал ни к одной из этих групп. Он много сил отдавал организации студенческих мероприятий в поддержку КПК. Истоки его прокоммунистических убеждений связаны с Вэнь Ючжаном — известным канадским религиозным деятелем и другом китайских коммунистов. Ниже — фрагмент письма Чэнь Вэйси:

Его английское имя — Джеймс Гарет Эндикотт, а китайское — Вэнь Ючжан. С восьми лет я четыре года жил в его доме и учил английский вместе с четырьмя его детьми и несколькими другими иностранными ребятами. Эндикотта направила в Чунцин Объединённая церковь Канады. Формально он считался миссионером, но главным его делом было создание церковной средней школы. Он руководил всем — от строительства зданий до бухгалтерии и преподавания. Особенно много времени отдавал двум занятиям. Первым было составление «Учебника английского языка прямого метода» для средних школ «тылового района» — так во время войны с Японией называли территорию, контролируемую националистическим правительством с центром в Чунцине, — и методического пособия для учителей. Вторым был еженедельный бюллетень на английском языке для внеклассного чтения школьников.

Супруги Вэнь относились к Чэнь Вэйси как к родному сыну, и годы, проведённые рядом с ними, во многом определили его будущие взгляды. Поначалу Вэнь Ючжан поддерживал Гоминьдан: был общественным советником Сун Мэйлин, жены Чан Кайши, и политическим

консультантом движения «Новая жизнь». Но, наблюдая коррупцию и разложение правительства, а также то, как офицеры обрекали собственных солдат на голод, он всё больше склонялся на сторону коммунистов и сблизился с Чжоу Эньлаем. Во время гражданской войны Вэнь издавал газету в поддержку КПК; материалы для неё поступали от самих коммунистов. Чэнь Вэйси помогал печатать и распространять издание.

Именно под влиянием Вэнь Ючжана сформировались прокоммунистические убеждения Чэнь Вэйси. После нескольких покушений со стороны Гоминьдана канадская церковь настояла, чтобы Вэнь покинул Китай. В 1947 году он прекратил миссионерскую деятельность и вернулся в Канаду. Активная поддержка китайских коммунистов и предсказание их победы сделали его там известной фигурой. В конце 1948 года Вэнь написал Чэнь Вэйси о нестабильной обстановке и предложил приехать учиться в Канаду. Чэнь тогда был первокурсником шанхайского университета Хуцзян. Получив письмо, он начал собирать документы, а вскоре Вэнь прислал подтверждение о зачислении в Торонтский университет. За паспортом Чэнь Вэйси отправился в Нанкин. Националистический режим рушился, чиновники готовились к бегству, и его заявление осталось без внимания. Он написал Вэню, что, вероятно, уже опоздал. Но вскоре канадское консульство пригласило его на встречу и передало официальное письмо для шанхайских властей Гоминьдана с просьбой выдать паспорт. После предъявления письма студенческий паспорт Китайской Республики оформили немедленно. В марте 1949 года Чэнь Вэйси вылетел сначала в Соединённые Штаты, а оттуда отправился в Канаду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.